

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ

ДОХЛОКРАЙ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Манасыпов

Дохлокрай

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Манасыпов Д.

Дохлокрай / Д. Манасыпов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Они не живут бок-о-бок с людьми. Мертвое не может называться живым. Они существуют рядом. Веками находятся рядом. Веками ведут свою игру. Веками с ними сражаются знающие. У каждого свое предназначение. У него есть страшная и опасная работа. Есть немного знаний, опыт и два клинка. Таких, как он, немного. А мрак наступает. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог: призрачная осенняя печаль	6
Глава первая: темный снежный день	8
Глава вторая: чужая квартира с ожившим Мраком	13
Глава третья: крохотный личный Ад	18
Чуть раньше-1: generation hexed	27
Намного раньше -1: necroticism	30
Глава четвертая: чёртв Мак-Дак, смертельная красота и доставшая усталость	32
Глава пятая: маски и настоящие лица	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

«Если уж нечистый расточает улыбки весны, значит, нацелился на душу.
Души людские – вот их истинная страсть, их нужда, их пища.
(Из наставлений отца Бартоломью, духовника Хейли Мейза)
M.A. Erynn, Ph.D., «King's blood».
Перевод В.Пятков (с)

Пролог: призрачная осенняя печаль

Осень случается разная. Каждый год, неожиданно и сразу, наступает, захватывая все вокруг и оказываясь повсюду. Разная, иногда даже чересчур.

Золотая, теплая и прозрачная. Это когда паутинки летают повсюду, а воздух пахнет чем-то грустным и одновременно добрым. Листья хрустят сказочными поделками гномов Эребора, и совершенно не хочется курить. И не только из-за боязни пожара. Просто... очень чисто и легко дышится. И даже куртка не кажется неудобной и тяжелой. Пусть и совсем недавно приходилось надевать только футболку.

А еще осень может оказаться тяжелой, холодной, сырой и мрачной. Или даже черной по ночам. Непроглядно-чернильной, разрезаемой только светом редко горящих фонарей. Хлюпающей лужами каждое утро, каждый вечер и даже ночью. Пусть и не твоими ногами, а кем-то, кто спешит домой. Осень, разрезающая твоё тепло, сберегаемое под одеждой. Осень, когда не хочется выходить. Вообще никуда.

Вот только в квартире курить не стоило. В принципе не стоило бы и курить. Но нервы не железные, время позднее, одиночество жесткое. Так что оставалось только радоваться совершенно высохшей половине пачка «Вога» и все-таки выйти. Пусть и на балкон, а не на промозглую улицу.

Ох стоило ж его сделать, балкон-то. Вон, как в доме напротив. Как это?.. Профлист? Да, точно. Профлист, окна пластиковые. Сухо, ветра нет, птицы не залетают. К ней вот залетали, пусть и не часто. А уж всякие букашки... ох и беда... Мухи, мотыльки, осы, пчелы, стрекозы и клопы. Этих летом было ну о-о-очень много. Хотя сосед и приколотил сетку на раму самого широкого, открывавшегося, окна. А эти сухие маленькие твари все равно находились повсюду. И даже два раза цапали осы. Сделать балкон, да.

Всего пятьдесят тысяч, угу. Ну, может чуть меньше, чуть больше. Всего пятьдесят, ха-ха. С чего? Понятно, соседи с третьего легко сделали. Там и Ленка работает, и муж у нее, опять же, не... Не груши околачивает. А она? Ну, чего она то? В офисе, менеджером, как все, филолог, блин. Маме денег отдай, брала на стиралку. Однокласснику надо вернуть, занимала на кухню. А обувь? Вещи поменять, три года в двух юбках и трех блузках. Вот зачем ездила в Египет с Жанкой? Дура потому что, зачем еще-то? Все едут и я поеду. И наплевать на балкон. А ведь протекает. Вчера прямо над дверью полилось, вон, следы какие. Рамы эти деревянные, провисают, постоянно на закрываются, скрипят. Пахнут... сырым деревом и просто... Бедностью, что ли. Хотя, чего она бедная-то? Не продавец в «Пятерочке» или на рынке в контейнере. Хотя...

Сигарета горела с легким треском. Сухая, пахла почему-то полынью. Противная и сладкая. Бывает же такое. А...

В черном провале внизу что-то появилось. Пятый этаж, ночь, темнота. Но она увидела. Бледный овал с темными точками. Задранное вверх и глядящее на нее лицо. Смотрящее с... жаждой? Голодом? С чем, так явно ощутимым?

Ветер ударил в лицо. Сбил дыхание, рубанув холодом через плохо сходящуюся молнию толстовки. Пахнул чем-то странным и страшным. Прелью гниющих листьев, сыростью разрытой земли, сладостью падали. Бледное пятно внизу мотнулось в сторону, не пропадая, замерло, продолжая смотреть вверх черными провалами. И, неотвратимо и жутко, оказалось рядом с деревом, одиноко торчавшим в палисаднике у подъезда. Вязом, огромным, выше кровли, никак не сбросившим листву. Вязом, так часто стучавшим в стекла ее старого балкона развесистыми толстыми и крепкими ветвями. Стучавшими прямо в ее окна... Прямо в них.

Чертова отсыревшая рама так и не закрылась. Скрипнула и провисла. А белый овал мелькнул где-то на нижних ветках. Хорошо, дверь на балкон и окна пластиковые, новые. Вот

только поставила. Ручка скрипнула, прижимая полотно к косяку. Быстрее к остальным окнам, быстрее!

Ни одной мысли о выбежать в подъезд! Ни за что! Ведь и там может быть... Даже если это привиделось, даже если это из-за старой высохшей сигареты со вкусом полыни! Нет!

Закреть окно на кухне. Выключить свет. И во вторую комнату, пусть она и выходит на другую сторону. А тут закрыто, тут все хорошо... Фу-у-у... Господи, ну не дура, а?!

На балконе стукнули рамы. Как всегда, когда их открываешь чтобы покурить. Ладно... ну, не может же... Она сползла по косяку двери второй комнаты. Села на пол, таращась в темноту, упавшую после выключенного света. Мама-мама-мама!

Когда-то давно, совсем давно, уже три года назад, свет фонарей казался волшебным. Сизо-серебряный свет, падавший в тогда еще ИХ квартиру через окна. Волшебный серебряный свет, так обтекавший все, чего касался. Так красиво падавший и на нее и на него, совершенно обнаженных. А сейчас... когда так поздно и не вовремя включился все-таки фонарь за окном...

Мертвенный. Бледный. Бросающий ломаные тени на все вокруг. И тень, падавшая с балкона жила. Двигалась, касалась руками двери и стеклопакета широкого проема. Невозможная дурацкая и страшная тень. Руки-крючья, комок головы, ломаное длинное тело. Шевелившееся змеиными опасными движениями, рвущимися к ней, в тепло квартирки. Такой безопасной еще вот-вот и ставшей страшной за считанные секунды.

Под комодом в прихожей, только протяни руку, точно! Вот, вот, да! Молоток, соседский, недавно взятый для чего-то там, где? Вот! Тяжелый, большой, чуть загудел металлом, пока тащила наружу. Фу-у-у... хотя бы что-то. А где? Тень пропала.

Зеленоватый свет снова стал сам собой. Ровным и серебряным. Не таким радостным и красивым, как раньше, но не мертвенным. Нет. Потому что тень ушла, потому что все это точно из-за усталости, недосыпа, нервов и переживаний. Да-да... ох ты Господи, дурь-то какая, а?

Дых-дых, сердце пока так и не успокаивалось. Колотилось, так и желая вырваться наружу. Ну, хватит, хватит. Курить теперь она точно не пойдет. Ну его, померещится опять.

Тук-тук-тук...

Сердце замерло. Трепыхнулось в такт движению головы. Что за...

Тук-тук-тук...

Ну как же так, ну как?!!

Бледное лицо прижалось к стеклу на кухне. Мучнисто-белое, с блестящими агатами вместо провалов глаз. С узкими и длинными губами, растянувшимися в ухмылке-оскале. Длинный палец с набухшими суставами монотонно пробарабанил по стеклу.

Тук-тук-тук...

Глава первая: темный снежный день

Снег пошел вечером. Мокрый и тяжелый, лип к одежде и рюкзаку. Ботинки, купленные недавно, превратились в запчасти для снеговика. Да он весь чуть не стал таким за пару минут. Но повезло, его заметили. Через густую белую стену и в сумерках. Огромный «фред» остановился как положено трехосному тягачу с шаландой: важно и совершенно по-корабельному. В голову даже не пришло обидеться на грязную кашу из-под колес, полетевшую на обочину. Рук к этому времени почти не ощущал. Но, поднимаясь в грузовик, снег стряхнул с себя полностью.

В кабине оказалось очень тепло. Водитель вывернул обратно на трассу, повернулся к нему и хмыкнул. Много надо после холода и непогоды? Не особо. Теплая кабина, удобное сиденье и мерцающая панель приборов – самое то. Сон накатил сразу, навалился темным непроглядным покрывалом. Уставший человек выглядит смешно. Порой жалко. Спящий человек кажется совершенно беззащитным. Но этот снеговик, подобранный по пути, таким не казался даже вырубившись. Водитель попался опытный, понимающий. Выключил освещение, накинул старое колюче-уютное армейское одеяло.

Проснуться вышло перед самой остановкой. Ботинки, прорезиненные внизу, высохли полностью. В пургу ехали не меньше трех часов, он даже вспотел. Но не жаловался. Чего только не случается, а помыться можно всегда. Деньги водитель не взял, улыбнулся, пожал плечами и предложил «Мальборо». Отказываться не стоило, невежливо. Грузовик подкатил к большой стоянке у заправки. Встал в хвост очереди из фур, легковушек и одного небольшого автобуса.

Если едешь по дороге, то важно знать несколько правил. Они простые и нужные.

Дорога не только пирог из щебня, земли, сетки, битумной смеси и финального слоя. Дорога живая, зоркая и все помнящая. Спросите у настоящих водителей, а не лихачей, выпендривающихся на ней. У тех, кто живет на дороге, кормится ею и порой умирает там же. Спросите не в лоб, а сидя рядом перед сном. Когда спиртное необходимо как смазка и когда закурена предпоследняя. Спросите и услышите, если захотите услышать на самом деле. А не только ушами.

На дороге надо помогать, если нужна помощь. Не проезжать мимо, а останавливаться. На дороге не надо пытаться обогнать всех. Торопись, не торопись, приедешь как выпадет. Подвезти незнакомца стоит если есть уверенность в себе. Не повезет – случатся проблемы. А если все нормально, то вернется сторицей. И еще одно важное правило.

Ешь там, где едят дальнбойщики. Не там, где красиво, аккуратно и вкусно пахнет. Ботулизму и паразитам наплевать на дизайн. Им не наплевать на правила хранения и термическую обработку. А дальнбойщиков не обманешь. Так что – ешь там, где стоит много фур.

Сигарета оказалась лишней, портила обоняние. Только в такую белую круговерть с ветром вообще что-то тяжело почуять. Как бы сильно и мерзко оно не воняло. Но все равно, перед тем, как войти внутрь, он остановился, ловя воздух. Плевать ему на озадаченные лица заметивших. Полной луне и любящим ее на них тоже накласть. С минуту ноздри шевелились, пытаюсь уловить нужное, но... Возможно, все хорошо. И он просто устал и на взводе. Ждет беды там, где ее нет в помине. Всякое бывает.

Внутри оказалось хорошо. Тесновато, но уютно. Водитель помахал ему из угла, уже что-то заказывая. Он кивнул ему, пройдя в туалет. Мыл руки, пользуясь одноразовым мылом, прихваченным из вчерашней гостиницы. И внимательно изучал стены. Ведь всякое же бывает. Иногда ему доводилось находить нужное вот в таких загаженных местах.

Здесь, кроме двух телефонов с обещаниями «всегда, дешево и феерично» ничего не попало. Если не считать пары наклеек у самого зеркала. Хотя наклейки больше казались фанатскими. Два почти одинаковых черепа, непонятное лого и эмблема. Все стандартно.

Водитель попался настоящий, такие не редкость в его возрасте. Подобрал по дороге, так взял шефство. Отказываться от парящей еды было бы оскорблением. Тем более, ему уже нашли следующего, едущего как раз куда нужно. Он улыбнулся, благодаря. Дорога возьмет свое и хорошо, если просто придется помочь заменить колесо. Дорога возьмет свое, как бы не хотелось иного.

Суп, густой, наваристый, с фрикадельками, совсем домашними по вкусу. Салат и картошка с мясом, прожаренным до любимой сухости. Мясо с, сука, «кровью», он не любил. Тут его бифштекс прожарили полностью, как надо даже по требованиям СЭС. И яйцо сверху, лопнувшее рыжим, растекшимся по бифштексу, золотом. Есть захотелось еще сильнее. Водители рассмеялись, радуясь за него. Дорога учит многим простым радостям. Включая помощь другому, пусть и не близкому. Куда там многим святошам. Он попросил молока. Его налили прямо на глаза, достав из холодильника большую запотевшую банку. Сливки там оказалось на два пальца и их лишь чуть разогнали ложкой.

Молоко он смаковал после еды. Глотал, гоня по языку жирный домашний вкус. Улыбался, слушая незамысловатые байки и легкий мат вокруг. Простые радости самые лучшие. И променять эту забегающую на ресторан не хотелось. Сейчас-то уж точно.

Крик услышал только он. Женский, далекий и тут же приглушенный. Пришлось удержаться и не бросить об стену стакан. Порой работа не просто надоедала. Порой выводила из себя, чуть не превращая в существо, куда более страшное чем те, с кем приходилось работать. Пришлось извиниться и попросить не уезжать без него. Водитель, худой и рыжеусый, кивнул, решив досмотреть сериал. А ему пришлось идти в чертов снег, кружащий вокруг тепла, света и спокойствия.

Собака, рвущая цепь рядом с колонками, даже не выла. Зверь не просто боялся. Зверь почти умирал от страха. Он ее понимал. С его клиентами сможет справиться всего пяток мохнатых. И явно не такая, как непонятной помеси сучка, сидящая для редкого гавканья. Но хотя бы помогла понять куда идти. Цепь натягивалась в сторону людей и света. Значит, идти к машинам, уже похожим на огромные сугробы. Лишь бы успеть пока никто не появился. С женщиной все ясно. Уже все совершенно точно, раз не кричит.

След нашелся, пусть и почти заметный. Ветер выл и кидался колкой острой крупой. Мягкая сырая вата явно у зимней ночи пока закончилась. След виднелся через снег, такой знакомый и явственный... Не пропустишь. Темный, еще парящий, в редких пробивающихся лучах освещения отдавал глубоким темным красным. Как хорошее сухое вино. Только вино не пахнет металлом и солью.

Он никогда не убирал инструменты в рюкзак. Если дело доходило до полиции и обыска... им же хуже. Следующий пробившийся отсвет сверкнул на стали, отразился от разводов серебра клинков и испуганно отскочил. Все верно, свету стоит опасаться его темных дел. Они очень неприглядны. Если не сказать страшны.

Уходить в самую темень не пришлось. Женщину он увидел издали. Раскиданную по обочине ломаной марионеткой. Взрытая вечером колесам грязь, чуть присыпанная снегом и густо политая ее кровью. Хренов натюрморт вместо портрета. Ее куртка явно появилась на свет белой. А сейчас казалась почти черной. Тень за его спиной выросла неожиданно.

- Чего это? – рыжеусый испугался. Голос дрожал. – Что это?
- Ты захватил мой рюкзак?
- Да. Ты, это...
- Помолчи... – он запнулся. – Пожалуйста.
- А...

Пришлось повернуться и прижать палец к губам. Чертов ветер не дал разобрать даже его появление. Никогда не любил работать в людных местах, отвлекало. Порой приходилось

ошибаться. Вот как сейчас. Это стало ясно по глазам рыжего. По большим и очень испуганным глазам, увидевшим что-то. Кого-то, наконец-то появившегося.

Самое главное в его деле – скорость и точность. Сила важна для дураков. А, да. Еще знание анатомии. И понимание законов физики. Хотя с постоянными клиентами говорить о законе земного тяготения было глупо. У них все не так, как у людей. Да это и не странно. Они-то не люди. Уже не люди... или никогда ими и не были.

При ударе назад практически все ожидают разворот через правое плечо. И удар сбоку и чуть сверху. И без разницы, правой или левой рукой. Возможно, сначала в ход идет локоть. Правый, само собой. Опорная нога – левая, и немедленный перенос веса на правую. Хотя, конечно, у всех по-разному.

Клиент уже не человек? Все равно инстинкты остались прежние. Разве вот физические возможности стали другими. Так что, никуда не денешься. Скорость и точность.

Он присел, резким рывком выбрасывая назад левую с тесаком, держа его обратным хватом. Лезвие, смотрящее вверх, разрезало воздух. Бил на интуиции, ловя движение, скрип снега, еле заметную тень на покрасневшем белом покрывале.

Сталь врезалась в плоть, входя практически у паха и пошла вверх, погружаясь глубже. Он выпустил рукоять, добавил плечом, отбрасывая тяжелое тело, густо пахнущее своей и чужой кровью. Рыкнуло, цапнуло воздух когтями скрюченных одеревеневших пальцев. Но его сцапать не успело.

Подняться он не позволил. Наступил ногой на грудь, ударил вторым тесаком. Вот здесь сила все же нужна. Хотя навык важнее. Перерубить мускулы, сосуды, плоть, позвонки, связки и хрящи на шее, если та не лежит на чем-то твердым – очень сложно. Особенно если бить не сверху и не топором или чем-то с широким лезвием. Но если есть навык, то справишься и так. Главное – точность, скорость и приложенное усилие. Физика, чего уж.

Рыжеусый стал белее падающего снега. Но выдержал, даже не позеленел и на ногах держался уверенно.

– Воевал?

Тот мотнул головой. В глазах плескался страх, но кричать даже не думал. Дела-а-а...

Собака перестала выть. Легла у будки и смотрела в их сторону. Удивительно спокойная сука, ничего не скажешь. Хорошо, никто не вышел. Объясняться с местными не хотелось. Острая крупа повалила гущу. Это очень хорошо, даст им фору.

– Помоги.

Рыжеусый заворуженно кивнул. А это еще лучше.

Женщину скатили вниз быстро. Ногами, подошвы оттереть проще. Обезглавленное тело пришлось ворочать руками. Водитель догадался снять перчатки. Черная тяжелая туша упала на свою жертву, гулко стукнуло. Голову он отправил вниз пинком.

Пришлось спускаться и присыпать снегом перед тем, как достать из рюкзака стеклянную бутылку с едко пахнущей жидкостью.

– Жечь? – рыжеусый смахнул пот со лба, стоя рядом.

– Нет.

Состав лился ровной струйкой, начиная топить снег сразу. Скоро начнется запах, надо уходить до него.

– Быстро в машину.

Рыжеусый послушно потопал к своей фуре. Чудо, не напарник.

Выезжали неспешно, без всяких рыкающих рывков и прочего. Водитель понравился еще больше. Такое случалось, но редко.

Заговорили минут через десять, отъехав подальше.

– Спасибо. Ведь и меня могли так же?

– Что именно?

Хороший вопрос. Даже оба. Так-то он мог и его, по горлу и бросить под откос. Есть человек – есть проблема. Или водитель имел ввиду проделанную работу?

– Ну, горло перегрызть...

– Да. Окажись ты там один, сейчас был бы мертв.

Водитель замолчал.

– Почему помог и никого не позвал?

Рыжие усы чуть дрогнули.

– Испугался. Да и... ну, ты ж получается помог. Спас.

Точное замечание. Разве что многие ли ценят такую помощь?

– А это...

– Что?

– Кто это был? И ты, ну, ты же специально туда пошел? Ты это...

– Не надо тебе знать больше увиденного. Не забивай голову. Следи вон за дорогой. А кто был? Нелюдь.

Водитель замолчал, уткнулся перед собой. Правильно сделал.

Снег понемногу прекращался. Но скорость фура набрала небольшую. Дальний пробивал белую живую стену метров на десять, не больше. Хотя машина шла уверенно, без заносов. Или просто водитель у нее оказался хорошим, кто знает.

Дворники шелестели по стеклу. Подмерзающая крупа уступала неохотно, порой остро скрежетала. Печка еле слышно гудела, гоня теплый воздух. Пришлось расстегивать куртку, потеть еще раз не хотелось.

– Брошу! – рыжеусый помотал головой. – Приеду и брошу!

А, наконец-то. Ему уже стало интересно – когда начнется отходняк? Вот и начался.

– К обочине.

– Что?!

Глаза дикие, зрачки темнеют, белка почти не видно. Хреновые дела.

– К обочине. Спокойно и не торопись. Но прямо сейчас.

Послушался. Грузовик мягко дрогнул, начал замедлять ход и прижиматься влево. Он не ошибся, думая про замеченный знак. Площадка показалась впереди, подсвеченная тремя фонарями. Фура, устало пыхтя, закатилась на нее, встав рядом с тем самым небольшим автобусом. Жаль. Из машины теперь лучше не выходить. Если не встать как-то удобнее.

– Немного вперед. Встань так, чтобы кабину не видели. И не включай пока свет.

Фура вздрогнула, остановившись.

– Кофе есть?

Рыжеусый закивал, торопливо, стуча зубами. А, да, вон же термос.

– Стакан где взять, в бардачке?

Ну, а где же еще? Кофе хотелось ему самому. А водителю лучше бы и не пить. Давление при стрессе может скакать самыми странными способами.

– Откинься на спинку. Закури. Положи руки на руль. Видишь, как трясутся пальцы?

Белея в темноте те выбивали бешеную дробь. Слушается, делает, уже нормально.

– Адреналин выделяется надпочечниками. Это нормальная реакция организма на стресс. Ты воевал, значит нервная система срабатывает чуть позже. Сейчас придет в норму, тогда и поговорим. Кури, молчи, смотри в окно... успокаивает.

Дым плыл по кабине, густой, горький. Сигареты все чаще поддельвают, все чаще набивают черт пойми чем. И ведь курят, плевать на здоровье, плевать на услышанное, плевать на все. Чертова хреновая привычка.

– Брошу...

– Смысл?

Красный огонек сигареты дрогнул и повернулся к нему, чуть подсветив усы и нос.

– Но ведь там...

– Они есть везде. В больших городах, в маленьких, в деревнях, вдоль дорог и на помойках. Их нет только в глуши, где не найти человека. Хотя всякое случается. Так что бросай не бросай, не застрахуешься.

– Везде?

– Везде.

Рыжеусый хрипло выдохнул.

– Да ладно тебе? Не может же так быть.

Конечно, куда там. Никак не может. Совершенно. Абсолютно. Люди-люди, эх...

– Ты был на МКС?

– Чё?

– На МКС был?

– Нет.

– Но она есть, так?

– Да.

– И ты ее не видел. Зато видел бабу с распоротым горлом и ту тварь. И все равно такого не может быть?

Водитель мотнул головой. А, дошло.

– От них не убежишь. Думаешь уйти подальше от людей, так найдет что-то, совершенно не похожее на человека. Зло разнолико. И вездесуще, уж поверь.

– Что делать?

Он пожал плечами.

– Жить дальше. Знать, кто бродит рядом. Быть готовым ответить. Или предупредить, ударить первым. С ними всегда лучше бить первым.

Рыжеусый закурил еще одну. Щелкнул кнопкой магнитолы. Засветилась синим флэшка. Из колонок потекли первые аккорды «Симфонии разрушения». Водитель оказался любителем чего потяжелее.

– Оружие, да...

Оружие, ага. Здесь, в этой самой стране, оружие.

– Пистолет не потаскаешь. Охотничье? Возможно, только готовь сразу много-много денег. Все равно попадешься.

– Ты вот с ножами. Это круто, только...

– Ты в фуре. Ты проводишь в ней половину жизни. И вряд ли шарахаешься ночью, когда не работаешь. А в фуре может быть что-то, куда лучше, тяжелее, удобнее и убойнее моих ножей.

– Да.

– Заведи собаку. Она поможет почуять, собаки их не любят. Хотя и боятся. Брось курить, запах иногда выдает тварей. Хотя и не всегда. И внимательнее смотри по сторонам. Займись спортом. Ничего нового или необычного.

– Да.

Заладил, да-да.

– Поспи. Нам еще долго ехать, как снег прекратится. Говорят, там впереди его нет? Аномальный, вроде как.

– Наверное. – водитель открыл дверь, приготовился спрыгнуть вниз. – А ты?

– Я здесь подремлю, посторожу.

Глава вторая: чужая квартира с ожившим Мраком

Рыжеусый вырубился сразу. Только прилег на спальник и все, пропал. Такого страха натерпеться, нервы могут не выдержать. Если спит, ровно дыша и не дергаясь, значит успокоился. А ему и впрямь было чем заняться. Клинки следовало подточить еще позавчера. Или вчера? Он уже сбился со счета и плохо помнил, сколько дней прошло с последнего использования стали, украшенной узорами серебра.

Вжик-вжик, брусок тихо скользил по клинку. Не точить, почти править. Бриться? Можно и побриться, было бы желание. Заточку мастер делал на совесть. Такую извести – металл рубить надо. Вжик-вжик, точило бежит вперед-назад. Сколько часов прошло вот так? Больше, чем хотелось бы.

Тридцать три сантиметра в длину. Ближе к острию клинок расширяется почти настоящей елманью. Заточка полуторная. Вся рубящая внутренняя сторона и треть со стороны обуха. Воткнул – достал. Не проколол, скорее, прорвал необходимое и, без задержки, работай дальше.

Славная хорошая сталь ручнойковки. Гарды-пластинки, толстые и надежные, на каждом из клинков. Снятые с двух драгунских шашек позапрошлого века. Хорошего оружия, вдоволь хлебнувшего черной крови тварей. Рукояти деревянные, обтянутые рыбьей кожей с мелкими шипами, крохотными зубчиками, не дающим скользить в ладони. Простые надежные напарники. И полиция остановит, так документы на охотничье в подарок, чеки и прочее у него всегда с собой. Да и откупиться проще, чем со стволом. А не отстанут... Жизнь штука сложная. Но дело даже не в этом. Дело в привычке и в том, что умеет.

За, вроде как, мастерство, пришлось платить дорого. И тогда, в самом начале, и потом, на долгом пути, и даже сейчас. Хотя сейчас, наученный опытом, тысячами километров дорог и тысячами литров мертвой крови, вроде бы стал другим. Но ошибки случаются у всех, прямо как в поговорке: кто не ошибается, тот не работает. Только его оплошности обходились чересчур дорого. Ему и редким хорошим людям, оказывающимся ближе нужного.

Мрак не любит конкурентов, но терпит рядом Других. Пусть и не всегда.

Мрак не любит убивающих его порождений. Это правильно, они же его дети.

Он сам учился убивать Мрак долго, но все еще не умел многого. И учился, и это тоже верно, иначе никак. Дай такому противнику послабление, реши, что изучил его вдоль и поперек, так в следующий раз, когда ты знаешь все его сто уловок, тебя убьет сто первая.

Потому в непрекращающемся бою важно все, имевшееся под руками и уничтожающее Мрак. Но самое важное – сам человек, когда-то начавший личную войну за мир живых, людей и Других, пусть те никогда не сознаются в чем-то таком. Ему все равно, если честно, особенно зная, сколько Других ушли из жизни благодаря бесконечным тренировкам, бессонными днями, после бессонных ночей, полных страха с кровью, когда приходилось читать и слушать все доступное. Ведь порой, когда нужно убить не-мертвого, клинков может не оказаться.

Осиновый кол не остановит заложенного покойника, но отличить того от поднятого Мраком упыря нужно быстро. Иначе – умрешь ты сам.

Серебро остановит оборотня и справится с волком, получившим свое от охотников и оживленного демоном, прячущимся в обычном, казалось бы, человеке. Но серебро мягкий металл, и чтобы вбить его в мертвую плоть, еще нужно добраться поближе.

Огонь поможет всегда, только применять его не выходит, кому же надо спалить из-за нескольких восставших мертвецов целый дом, подарив Мраку немного боли, страданий и обожженных душ?

Пули, помогающие остановить большинство целей, чаще всего просто останавливают. Решать дело до конца нужно заточенной сталью, бьющей навстречу и не оставляющей надежды

тем, кого снова вытащил на белый свет Мрак. Вот так-то, сталь и мускулы, прямо как в старые-добрые времена. Пусть и не со всеми, пусть и не всегда.

Серебряные узоры, хитро сплетающиеся по стали? Важны ли они? Да конечно важны. Хотя важнее умение, точность и остальное.

Вжик-вжик, брусок точил сталь, равнял крохотные заусенцы, убирал любое затупившееся место. Клинок должен быть острым.

Особенно после случившегося два дня назад. Он вспоминал, пока кончалась ночь и вжикал брусок.

Снега не случилось и в помине. Внутри квартиры пришлось попасть через окно. Через подоконник перелез тихо, старательно ловя запахи. Не ошибся. Пришел куда надо. Не зря что-то толкало изнутри, заставило выйти из автобуса и пойти через поле в большое село. Не зря.

По улицам кружил недолго. Один раз ухватившись за след идешь дальше легко. След, четкий, темно-багровый, вел на окраину. Так даже лучше. Шума не хотелось.

Окраина казалась бедной. Да такой и была. Кто в хорошем селе станет жить в развалюхах по три подъезда на два этажа, а не в собственном доме? Верно, не самые добрые люди. Если, конечно, добро их меряется заповедями и моралью, записанной две тысячи лет назад.

Смеркалось стремительно. Темнота накатывала, окружая со всех сторон. Редкие фонари, горящие через раз и даже реже, не помогали. Но ему это никогда не мешало. Нужное окно оказалось открытым. Ни решеток, ни людей на балконах. Все как вымерли. Хотя до этого им явно еще рановато. Упереться ногой в стену, ухватиться за раму, подтянуться и прыгнуть вниз. Несколько секунд и все, на месте.

Такие места Мрак любит особенно сильно. Тут люди не слабее, чем другие, они просто пустые. Что зальешь внутрь, то и станет перекачиваться по венам и артериям, мешая стылую кровь с черным ядом, не дающим покоя даже после смерти. А уж обратить внимание на соседей, какое-то ведущих себя странно? Отбросьте сомнения, тут так не принято, тут живут по-людски. А по-людски, значит, не суй свой нос в чужие дела.

Тогда, после рухнувшей второй раз за сто лет империи, Мрак расплзался повсюду, бежал, как хороший спринтер, заноса заразу везде. Мрак пах узнаваемо всем и каждому, только никто не думал, что может случиться на самом деле.

Зло пахло не только шипящим воском черных свечей или выпотрошенным телом, разложенным между лучей пентаграммы, нарисованной на драном линолеуме порой даже губной помадой. О, нет, зло тогда как только не пахло. Хотя главной нотой была кислая.

Ханку, самую стремную дрянь из опиатов, продавали повсюду. Никто даже и не прятался, а зачем? Менты все знают, тюрем на всех не напасешься, а к торчкам соваться – себя не любить. У них же с башкой не в порядке.

Варили дрянь, году к девяносто пятому, порой прямо в подъездах, особо не церемонясь. Газеты, кружка, зажигалка. Кислая вонь ангидрита, проба, типа одноразовый самовар на всех... Вась, ты не болеешь? Неа... На, загни по вене, братишка, ща приход будет. Именно, вот ведь, приход. Водка не вштыривала, хотелось чего-то большего, а таким они всегда рады. Всегда и везде.

– Слышь, Лысый, есть чо?

– Ну... мне самому там... куб...

– Лысый, давай по-братски, пополам, а?

Пробовали все по-разному, от возраста не зависело. Совсем никак. Велись на дурное «ты чо, с первого раза никто не садится, не привыкает... не пацан что ли?». Человек превращался в животное за год. Некоторые раньше. К Девяносто шестому всем, даже самым-пресамым маминим отличницам сразу бросались в глаза четкие и явные приметы.

Плавающие рыбе-сонные глаза.

Пришлепывающие губы, частенько в слюне.

Почесуха по лицу.

Был человек – нет человека. Сейчас такого нет? Да и сейчас есть, только тогда... Тогда случилась просто эпидемия. Жбякались все, кому не лень, зачем-почему-на фига... ответа не случилось.

Этим было все равно. Эти выполняли самые дурные причуды, посули им пару доз или отбашлай лаве в карман. Лаве даже лучше, лаве вернется и осядет у барыги. Барыга положит в клетчатый челночный баул сверток, плотно закутанный в рваное одеяло и почему-то натужно пищащий, барыга отдаст сумку бледному, с покрасневшими глазами утырку, одетому как лох с института, лох с института пройдет через котельную, поставив лишнюю бутылку «Довгань» вечно пьяному кочегару, дойдет до крайней печи и там, своей кровью из разрезанного запястья, что-то напишет на ржавом металле огромной печи, откроет и, не слыша писка с кашлем, кинет прямо в огонь...

Мрак поселился тут именно тогда. В черные страшные несколько лет безумия. Он помнил, ему тогда хватило работы в досталь.

Чутье не подвело. Он пришел ровно куда нужно, самого себя не обманешь даже если устал. След вывел верно. Все говорило именно об этом, и запахи в первую очередь. В таких местах воняет всегда одинаково. Меняются только обои, мебель и те, кто живет. Или жил.

Сигареты без фильтра, едкие, тяжелые. Запах вьелся повсюду, за сто лет не выведешь. Без фильтра курили не из-за собственной крутости. Из-за бедности, больше не из-за чего. Дешевое пойло, разливаемое по полу годами. Блевотина, затираемая грязной тряпкой десятилетиями. Носки, больные грибок ног, плохая обувь, пошитая и склеенная из чего попало. Больные желудки и кишечники, засоры в трубах, постоянно гниющий мусор. Чертова вонь забывших о самих себя людях.

Бывало, даже размышлял, почему именно так? Почему Зло так старательно стремится именно к таким? Из-за налипшей на тело и душу грязи? Той, что не смоешь мылом и не отскребешь никаким мочалом? Черт его знает, на самом деле. Но в таких местах он бывал куда чаще уютных семейных гнездышек, детских садов или дорогих борделей. Кысмет... карма, чего уж.

Поискал и тут же увидел нужное. Литровую банку с крупной солью, стоявшую на полке кривого шкафа, обклеенного пленкой «под дерево». И кружку. Старую металлическую кружку со сколотой эмалью черного ободка. В чайнике, желтом от табачного нагара, жира и старости, плескалась вода. Ровно на эту самую хренову кружку. Соли, где-то на половину, сверху воды и тихонько болтать посудиной, перемешивая, не шумя и не вспугивая раньше времени. Скоро начнется, он даже не сомневался в этом.

Вода в чайнике протухла. Пахла гнилью, дрожала тонкими паутинками плесени и чего-то еще. Жаль, но так не пойдет...

Святая вода у него была в бутылке из-под «пепси». Или еще чего-то такого же мерзкого и сладкого. Какая разница? Перелить в кружку, аккуратно, чуть-чуть, тоненькой струйкой. Ох, как удивился старенький попик церковки у самой границы с Магниткой. Вряд ли к нему заходили многие, новый большой храм виднелся с каждого края села. Вот только пусть каждый сам выбирает, что его. Каждому свое, как не крути.

Новострой, желающий казаться смесью бульдога с носорогом, старательно скрешивая в себе византийский и владимирский канон постройки. Слишком большой, слишком напыщенный, слишком... все в храме казалось «слишком». И еще розово-красная громада казалась... пустой. В ней не слышалось хотя бы отголоска необходимого уставшему хозяину двух больших ножей-тесаков, покрытых серебряными узорами.

А вот церквушка, стоящая здесь не иначе как со смерти царя-освободителя, звучала. Тихим мерным и мирным голосом единственного колокола, прятанного в колоколенке, покрытой старой жестью и выкрашенной зеленой краской. В его работе важнее не форма, а

содержание. Святая вода всегда сильна, если полна верой. А веры там, где есть деньги, нет. Вряд ли у сухого подвижного старичка в болотного цвета китайской куртке поверх новенькой и дешевой рясы водилось много денег. А вот веры у него оказалось в достатке.

Даже сейчас вода еле заметно мерцала теми самыми искорками, что заметны не каждому. Пальцы чуть покалывало. Хорошо, силы в воде хватит. Ну, он надеялся, что ее хватит. В таком деле не угадаешь, как не старайся. Для таких случаев всегда есть клинки.

Под нестиранной футболкой с принтом «Бей Гитлера» еле заметно дернулся амулет. Да-да, он уже и так чувствует, что скоро работать. Это ни с чем не спутаешь, опыт штука серьезная. Даже время засекаешь не надо, если понимаешь, когда и что произошло. Что хорошо в окраинах? Говорят, тут громко и плевать, если кто услышит. Вот и сейчас получилось, как нужно. Пока выжидал у угла дома, пришлось узнать много интересного. Вот этим и хороши открытые форточки.

Про Генку, что окочурился вчера. Про его, мать ее за ногу, Ленку, паскуду и суку, помершую тогда же. И про их выблядков, что тоже откинулись. И хрен с ними, проблем меньше. Накатим за помин души. Ага, накатывайте. И вопрос-то только один: сколько ж голов было в помете почивших вчерашнего дни Геннадия и Елены?

Тварям, перекидывающимся после смерти от рук... не только рук, таких же, хватало суток. Всегда хватало. Но днем они в себя не приходили, сказки и байки не врут. А вот ближе к полуночи да, тут их время.

Жарко. Пот тек по спине, по груди, даже по ногам вроде как. Но снимать куртку и в голову не пришло. Укреплял ее самолично, подшивая где надо пластины и сетку. Иногда полезно, если успеешь прикрыться рукой и не дать добраться до твоего собственного горла. А иногда помогает как следует ошарашить не в меру наглого хомо гопникус, частенько решавших окучить именно его. Чем только притягивал... непонятно.

Так... а ведь началось. Вставать не стоило, лучше лишиться тварь преимущества, дать ей возможность ощутить какое-то превосходство. Первый удар можно нанести и сидя. Если знаешь, как это делается.

Дверь скрипнула, проседая. За стеклом, мутным и давно не мытым, мелькнул невысокий силуэт. Женщина, ребенок? Женщина, и живая. Испуганная, глаза по полтиннику, белая-пребелая, губы трясутся. Ну, а как еще? И еще больше испугалась, увидев его. Замерла, уставилась в угол, крестится мелко. Он покачал головой, все-таки встав и, взяв в руку, протянул ей икону.

Замызганную, всю исхоженную тараканами и облепленную мухами. Но то не страшно, если подумать. Хуже другое. Святой Николай сурово и грустно смотрел на людей снизу вверх. Толку от такой и здесь – никакого. Женщина прижала руки ко рту, дернулась было к окну. Он преградил ей путь. Отпускать возможную добычу не стоило. Да и окно прикрыл только влезши. Прижал ее к дряхлому столу-шкафу, повертел голову вправо-влево, рассматривая шею. Чистая. Дверь за спиной скрипнула. А запах он почуял еще несколько секунд назад.

Желтые церковные свечи везде пахнут одинаково. Так же, как одинаково воняет уже умершая плоть. И даже в такой духоте и диком смешении различной вони гостей учуешь сразу. Особенно когда знаешь их спутников и ждешь их. Ну, для первого гостя есть особый и очень редкий сюрприз. Почему редкий? Потому что давно не пополнял запас.

Каждый из тех, с кем приходилось работать, выглядел по-разному. Этот, видно один из детей, оказался просто кинематографичным. Потемневшее лицо, сплошь покрытое вздувшимися черными сосудами. Белесые глаза, смотрящие только туда, где пульсирует живая кровь. Губы, пепельно-серые снаружи и почти черные изнутри, скрывающие главное оружие цели. Его, мать их, зубы.

Соль в банке прилась кстати. Твари не любят ее, даже больше, чем не любят. Странно... и почему?

Кожа на лице не-мертвого зашипела, пошла волдырями. Самое важное вышло: глаза лопнули, потекли желтеющей слизью. Отшатнувшись, брызгая ей в стороны, тварь открыла рот. Но он не дал ей заскрипеть этим самым мерзким хриплым воем. Подхваченная со столешницы разделочная доска с хрустом впечаталась в провал рта. Ладонь ударила сверху, вогнав край глубже, кроша и выбивая зубы. А когда, стукнув по полу, доска упала, в ход пошел сюрприз.

Два последних образка с архангелом влетели в мертвую глотку, надежно припечатанные сильным ударом. Влетели внутрь, продвинувшись и зацепившись язычками для цепочек. Серебро действовало сразу. Заорать не-мертвый уже не успел. Остался корчится на заплеванном и загаженном полу, умирая уже окончательно.

Прихватив кружку, он пошел дальше. Чем хороши типовые квартирники, всегда знаешь, где и что находится. Хотя порой оказывалось и по-другому. Но ожидать от хозяев этой, навсегда застрявшей между рухнувшей «красной» империей и последними десятилетиями прошлого века чего-то нового... не стоило. Тут никто не снес бы перегородки и не сделал из двух комнат три. Не те люди здесь жили. Совсем не те.

Второго отпрыска вышло встретить плеском из кружки. Святая вода и соль сделают все быстро. И, кто знает, вдруг дадут шанс не попасть в Ад? Хотя в таких тонкостях разбираться не приходилось. Но рубить двух почти мальчишек, ставших не-живыми не особо хотелось. Глупая въевшаяся сентиментальность, оставшаяся со старых-добрых времен. Перешагнув через тело, судорожно хватяющее ртом пустоту, оказался у самого крепкого. Отца, надо полагать. Того самого Генки.

Рыбы пустые глаза смотрели на него с высоты двух метров. Сутулый и костистый бывший хозяин квартиры отпустил из рук сухонькую старушку, соседку ли, родственницу. Та упала с твердым стуком. Вместо лица... нет, на ее лицо смотреть не хотелось. Темный язык не-мертвого прошелся по губам. Нога в заношенной, но начищенной туфле пихнула последний из стоявших в зале гробов. Пустой. Так же, как и остальные, лежащие друг на друге.

Черт... Он все же ошибся. Наверное, устал. А из-за спины донесся смешок. И это еще хуже. Потому как обычные не-мертвые не смеются. А раз так...

Хе-хе-хе.

Глава третья: крохотный личный Ад

Заснул... Видно, все-таки устал. Что там вспоминалось? А, да. Село и работа. Знал бы кто, как вышло выкрутиться. И не просто выкрутиться, а два раза подряд. После его фокуса иногда пропадал из жизни не на день, нет. На неделю, если все шло хорошо. И так пропадал, вспоминать не хотелось.

Рыжеусый спал. Снег закончился. Ночь чернела ощутимой рассветной сыростью. Он спустился на площадку крохотной стоянки, размялся. Хотя сперва воспользовался колесами заднего моста. Грех не воспользоваться.

Подшвы хлюпали по слякоти. И больше про снегопад почти ничто и не напоминало. Грязь, темнота, где-то вдалеке светлая полоса. Темно-серое на черном: асфальт под жижей от колес, грязи и снега и только сплошная темнота вдаль, до почти незаметного леска. И никаких звезд над головой. И холод, чертов постоянный попутчик. Хотя грех жаловаться, надо лучше одеваться, и все.

Да и... порой холод лучше тепла. Особенно такого, как оставленное позади.

Если не-мертвый говорит и ведет себя как человек, то что? Все просто. Это Проводник. Ненастоящий, недолгий, но Проводник. В добрых-глупых книгах про всякую фантастическую лабуду таких любят называть некромантами. А здесь не так, но схоже. Как он мог не понять?

Мужик спереди. Сзади его жена. Жена очень опасна. А запасы фокусов у него кончились. Совсем. Остались только клинки. И еще кое-что, совсем крайнее и про запас. Это очень плохо. Но своя жизнь дороже чьих-то, что придется забрать.

Время замерло, растеклось моментальным клеем, схватывая все разом и намертво. Время, липкое от собственной медлительности, дарило чертов шанс. Либо выживешь, либо умрешь. Выбор невелик.

Так-так-так, дрянные китайские часы щелкали скрежешущей секундной стрелкой. Воздух, тяжелый, сладко-мертвый, входил в легкие нехотя и недовольно. Еле слышно капала кровь погибшей ни за понюшку табаку бабки. Бедная старая, оказавшаяся где не нужно. Скрипел старый продавленный пол, прогибаясь под ногами, невыносимо медленно менявшими позицию. Как и всегда, когда тело не успевало ухватить самый быстрый ритм.

Он оскалился, понимая: успевает. А дальше что будет, того не миновать. Клинки, прячущиеся в ножнах за спиной, зашипели. Потекли из плотной кожи, радуясь скорой схватке и своей роли. За спиной смех сменился злющим шипением. Да-да, сука, ты уже кое-что поняла...

Мертвец по имени Генка шагнул вперед. Молча, страшно и неотвратимо. Для кого другого, но не для него. Не сегодня, это уж точно. А за спиной еще и скрипнула входная дверь, запуская кого-то еще. Почему мотыльки так любят лететь на губительный свет?

Серебро танцующих на стали змей сверкнуло, тут же скрывшись за темными росчерками брызг. Удар снизу, вытянувшись вперед и уходя в сторону. Немыслимый и глупый, окажись он не таким быстрым. Перерубающий ногу в колене, заставляющий не-мертвого запнуться и начать падать. И тут же, оттолкнувшись левой ногой, разрезая смердящий гнилью воздух, ударить сверху вниз, метя точно в шею, разваливая мускулы, связки и позвонки.

Посреди крохотного зала дряхлой «хрущевки». Наплевав на законы физики и земное тяготение. Кладя с прибором на все приемы фехтования и ножевого боя. Жить захочешь, не так извернешься.

Левую руку, уловив нужный момент, выбросил к стремительной тени. Влажно хлюпнуло и скрежетнуло. Пора отвлечься, разрешить собственную ошибку. Пока не упал в черный провал беспамятства, после которого придется брать займы чью-то жизнь. Если не успеет закончить раньше.

Женщина, ставшая Проводником после смерти, получила свое. Клинок пробил грудь, проткнув жуткий комок, все еще гнавший по венам черную злую кровь. Разом побелевшая, скаля острые выросшие зубы, она пока не умерла второй раз. Глядела темными зеркалами глаз, хрипела, пузырила лопавшейся бурой слюной в правом краешке рта... пасти. Ждать не стоило, время заканчивалось. Он и не стал ждать. Декапитация решает не все проблемы. Но такую, как сейчас, решает полностью. Ну, или почти. Огонь, правда, будет надежнее.

Выходя, покосился в сторону двери. Сплюнул, увидев самый нелюбимый расклад. Женщина, молоденькая, тридцать лет ее только ждали впереди. Ну и на хрена, спрашивается, она приперлась?

Вжалась в стенку, трясаясь и прижимая тонкий, совершенно не к месту, нашейный красивый платок. Вышивка какая-то, кошки, орнамент, цвета яркие и живые. Совершенно не вязавшийся с ужасом и убожеством мертвой старой квартиры-двушки. Как и она сама, эта испуганная девчонка, пришедшая ночью к разом умершей семье. Родственница?

– Что это?! – Ба... голосок-то хоть и дрожит, но не плывет. В обморок падать хозяйка платка не собиралась. – Что это такое?

– Надо уходить, – буркнул он, вытирая клинки об пиджак обезглавленного хозяина. Бывшего хозяина. – И чем быстрее, тем лучше.

Ему пришлось опереться на стену, когда накатила слабость. Черт, ведь вроде бы получилось закончить раньше, чем накроет тьма? Так в чем дело?

– Что это? – повторила чуть не ставшая еще одной жертвой Проводника. – Кто вы?

Вежливая, надо же... Он при ней только что отчекрыжил две головы, а обращается на «вы». Плохо, жалко ее, если что.

– Это зомби. Понятно?

– Какие зом...

Такие. Пусть и ни хрена не зомби. Иногда проще заткнуть женщину, чем дать ей дальше молоть языком. Это усваивает любой мужик, правда каждый в свое время. Вопрос только в способах затыкания. Ему повезло, выпал один из самых жутких и красивых одновременно.

Устроить пожар. Дела надо заканчивать полностью, не дожидаясь ненужных неожиданностей. Тем более, у мертвяка Генки, упокоившегося второй раз подряд, явно хватало нужного для начала пожара. Дешевое пойло стояло прямо под столом в количестве пяти литровых бутылок. Не иначе, друзья-кореша-пацаны принесли, чтобы не забыть потом как следует помянуть.

По бутылке на гроб, последнюю на бедолагу Генку. Спасибо, бабушка, свечи явно твоих рук дело. Вот и пригодились, пусть и не так, как тебе думалось. Несколько крохотных огоньков неохотно лизнули красную обивку деревянных ящиков, призадумались и решили себе ни в чем не отказывать.

Как глаза могут стать больше, он не знал. У нее это получилось легко и непринужденно. Также, как ему пришлось еще раз хвататься за все подряд, чтобы не упасть. И тут она его удивила. Подхватила, крепко вцепившись руками в куртку.

– Держись!

Ох, девочка-девочка, зачем и это тебе? За спиной заметно расходились веселые рыжие сполохи, начинали потрескивать быстро занявшимся деревом. Стоило уходить быстрее.

– Мой рюкзак в кухне.

Ему пришлось опереться о стену, когда воплощенная храбрость метнулась туда. Вот молодец, а теперь валим отсюда. Скоро соседи всполошатся.

На улице не похолодало, но... изо рта валит пар. В отличие от нее, дышавшей ровно и свободно. Ничего не попишешь, все имеет последствия. И его собственное тело сейчас все-таки начало сжигать само себя, расплачиваясь за скорость в квартире. Бросила бы она его, что ли? Вот прям здесь. Глядишь, вместе с пожарными приедут и менты. Хотя, скорее уж просто менты. Есть ли здесь пожарные?

Первые крики опомнившихся жильцов донеслись, когда вышло выбраться из двора. Не скоро же они что-то заметили.

Тяжесть и разгорающееся внутри пламя накатывали все сильнее. Горела кровь, обжигая изнутри. Ныли суставы, сгрызаемые тупыми зубами боли-пилы. Пока он шел, механически переставляя ноги. Раз-два, раз-два. Иди-иди, ты сможешь. Стыдно падать перед женщиной. Лучше бы она его просто уронила и ушла. Вот честно, ей самой так было бы лучше.

О, да у нее еще какая-то смешная вязаная шапочка с ушами красного цвета. Господи прости, Красная шапочка ведет куда-то Серого волка. Просто беда...

– Куда мы идем?

– Ко мне.

Он попробовал отпихнуть ее в сторону, но вышло только споткнуться и упасть на колено.

– Вставай!

Вставай? Он поднял глаза, вцепившись взглядом в ее лицо, белеющее и расплывающееся. Ну, милая, ты сама захотела. Он-то точно не напрашивался.

Снова «хрущевка». Скрипучая дверь, домофонов и железных городских ворот здесь пока еще не признают. Лестница, по ступеням вверх, и боль снова вгрызается в спину, в ноги, даже в шею. Рвет изнутри, старательно подгоняя черную пропасть, падая куда перестает быть собой. Хреново.

В прихожку он ввалился, снова упав и затравленно оглядываясь. И увидел сюрприз.

– Ты селишь квартирантов?

Красная шапочка подняла его, как смогла. После «как смогла» пришлось опереться о косяк и надеяться: время еще есть.

– Так купила. Ну, не меняла дверь, зачем?

– Есть ключ?

– ... да.

Он кивнул. Говорить не хотелось. Каждое движение горла отзывалось болью в груди, уходило вниз, старательно грызя внутренности.

– Открой рюкзак. Залезь во внутренний карман.

Ага, нащупала?

– Ключ там же. И помоги мне добраться в комнату для жильцов.

Так, двигайся-двигайся. В крохотную комнатушку он практически вполз, подтягиваясь на локтях. Больно ударился о что-то по дороге, но не остановился. Вдох-выдох, вон туда, к окну. Кто-то его все-таки берег, наверное. Дверь не сменила, радиаторы тоже. И трубы к ним остались прежними. Не чертов полипропилен, что даже зубами перегрызешь при желании, нее-е... хрена. Стальные толстые крашенные трубы. Советская нестареющая классика. Да он и впрямь везунчик. Возможно.

– Дай наручники.

Поймать их так и не сумел. Наконец-то она начала бояться. Не подошла, замерла на пороге. И правильно. Щелк, хорошо. Сам себе не прикуешь, кто поможет, да?

– Так... закрой дверь на замок. И уходи. Спасибо тебе.

Не ответила. Умная девочка Красная шапочка. Хорошо бы ей вместо корзинки пирожков в виде квартирki иметь дробовик и пару-тройку зарядов картечи. Хотя, так-то, если что... толку?

Поздороваться с тьмой он не успел. Да той того и не требовалось. Как и всегда: неслышно окутала со всех сторон, раскрыла бездонную пасть и втянула его в себя. Такие дела.

Алое может быть темным. Багровое может переливаться кумачом и наливаться серым. Жидкое и прозрачное легко превращается в беспросветно чернильную гущу. Твой личный ад может быть каким угодно. А вот у него он всегда оказывался страшным, жгучим и красно-черным.

Здесь нет никакой пустоты. Здесь лишь обжигающие каменные стены и острая крошка на полу. Здесь горячий сухой воздух превращает носоглотку в мягкое дерево, изнуренное ударами напильника. Здесь не Ад, здесь его личное чистилище, затягивающее каждый раз, когда надо сделать страшное усилие над собой, вгоняя тело в бешеный ритм.

Это плата за вроде бы хорошие дела, нужные другим. Или ему самому? На этот вопрос он не может ответить уже очень давно. Сразу же, как встал на собственный путь, сплошь залитый черной и не живой кровью, покрытый кричащими темными душами не-мертвых и распадающимися личинами Других, не имеющих даже зачатка души.

Красное. Алое. Багровое. Светящееся изломанно-синими пульсирующими венами и зло-голубыми молниями. Сосуды рвутся, окатывая его чужой пролитой кровью, пролитой из-за него, когда не успел, когда не нашел, когда пожалел. Молнии, гнев убитых душ, не самых чистых, но и не замутненных Мраком, душ тех же самых, чья кровь, обживающей лавой, хлещет каждый раз, как его заносит сюда.

Страдать может лишь тело? Ерунда, верьте в это, пока не окажетесь в такой же клоаке, рвущей, сминающей, душащей и ломающей легкое вроде бы, как перышко, нечто, живущее в груди любого человека. Он знает, он чувствует каждый раз, когда станет нестерпимо мучительно, когда не хватит сил даже на крик боли, даже на плач страха.

Красное. Алое. Багровое. Истекающее по волнующимся скользким мембранам-стенкам мутным трупным соком, брызгавшим на него каждый раз, как приходилось доставать клинки. Ржавеющее хлопьями коррозии, облетающей с крючьев, ломов, цепей и огромных бритвенных лезвий, зубчатых старых мясных тесаков и портновских игл, мечтающих проткнуть душу, отправившую сюда так много пищи.

Он знает, но каждый раз не успевает даже закричать, лишь видя, как впиваются, повсюду, выстрелившие звенья с острями на концах, бурые от засохшей плоти и крови, протыкают невидимое живым, ломают неоощуемое никаким рентгеном.

Душа эфемерна и не может страдать? Он бы поменялся с кем-то, говорящим такое, пусть всего лишь на минуту его личного наказания, положенного за желание сделать вроде бы хорошее дело. За другое, вспыхивающее внутри него каждый раз, когда все заканчивается. За другое, делающее его ничем не лучшим, чем погибающие от клинков, святой воды, соли, свинца и серебра, так щедро раскиданных им по длинной дороге, полной смерти и страха.

Он не кричит. И не из-за силы воли. Мог бы, так орал, визжал, проклинал и просил пощады. Боль не дает открыть рот, боль не дает глотнуть кислоты, растекающейся в воздухе, не разрешает выпустить хотя бы почти детский тонкий писк.

Он знает. Он помнит. И, оказываясь здесь, прорвавшись через темноту небытия, ждет. Красного. Алого. Багрового.

Жутко хотелось пить. Горло пересохло, поскрипывая наждаком. Глаза открывать не хотелось. Пока не подергал совершенно деревянной рукой. Как только та еще слушалась? Звякнуло металлом о металл. Все в порядке. Будь он моложе и сентиментальнее, заплакал бы от восторга перед промыслом и милостью Господними. Ага, именно так и сделал бы. Только бы мешает.

Как же хотелось пить... Пересохший рот скрипел и шуршал языком-напильником. Хотелось хотя бы слюны, чтобы чуть смягчить глотку. Хотелось шипучей дрянной колы. Хотелось свежесжатого апельсинового сока. Хотелось сваренного прозрачного яблочного. Хотелось чертова поминочного компота. Хотелось... Хотелось воды. Полторашку обычной бутилированной. Даже теплой. Даже пахнувшей фильтрами и с их же привкусом. Да даже из-под крана, отдающую ржавчиной и тухлыми яйцами. Просто воды. Крикнуть?

Не пришлось. Дверь открылась сама, скрипнув несмазанными петлями.

– Ты как? – она стояла и смотрела. И держала, благословенная женщина, целый огромный, мать его, бокал с чем-то. А уж его взгляд, уткнувшийся в ее руки, поняла сразу.

Господи милосердный, спасибо тебе за милость твою. Он чуть было не завопил эту глупость, стуча зубами о тонкий фаянс, ловя жадно дергающимся носом несуществующий запах. Не врете, вода пахнет. Пахнет так, как ни что иное на планете Земля. Окажитесь несколько раз без нее и поймите, что обезвоживание недалеко, и поймете. Все поймете про ее запах.

Правильно не глотать ее жадно, захлебываясь и разбрызгивая. Так хорошо глотать водичку, если с лошади, стоя посередине реки в прерии. Прямо как у Жюль Верна. Глотать ее с ладоней, зачерпывать шляпой, набирать полную флягу из буйволиной кожи и потом поливать сверху. Радостно мотая головой и хватая сверкающую струю широко раззявленным ртом, орущим что-то восторженно-первобытное. Да, там сойдет. А вот если всю ночь вас ломало как при самой сильной лихорадке, и пить хочется до резей в желудке, стоит не торопиться.

Наберите в рот. Подержите, понимая: ее никто не заберет, она ваша. Вода в хреновом советском еще бокале с цветиком-семицветиком на боку. Или с лошадьми Клодта на Аничковом мосту. Или с Микки-Минни Маусами, хрен их пойми разбери. Она ваша, вместе с бокалом. Подержите во рту, погоняйте взад-вперед, смочите язык, десны, небо. Соберите этот дерьмовый налет, появившийся за долгую, как зима, ночь. И сплюньте. Так, чтобы не задеть хозяйку. У нее, в конце концов, ключи от наручников.

А вот теперь, не торопясь, пейте. Глотайте ее, заливайте в себя, не залпом, осторожно, чуя, как горло пытается стать уже. Ох да, внутри все сжимается, стараясь не упустить не капли. Ох, ты ж черт... как хорошо. Сколько ведер выпил Кощей, чтобы восстать и стать самим собой? Наверное, много.

– Тебя можно отстегнуть?

Вот почему так? Что заставило ее не вызвать ментов, не сдать непонятного убийцу и поджигателя? Только вроде как умершие люди, на ее глазах пытавшиеся добраться до странного мужика с большими ножами? Почему? Откуда столько веры в глазах? А?

– Да. Если не сложно. Руку почти не чувствую.

Запястье растирал долго, осторожно и сильно. Когда кисть закололо изнутри, пришлось стиснуть зубы. Стало больно. Хорошо, с сосудами и тканями все в порядке.

До ванной дошел чуть пошатываясь, но твердо. И вот тут позволил себе слабость. Включил воду и принял крану надолго. Пил, ощущая воду даже на груди, растекающуюся по шее и пропитавшую футболку. Пил и радовался жизни, оставшейся с ним без чьего-то ненужного горя.

– Ты как?

Он оторвался, встал с колен.

Она стояла, смотрела на него своими удивительными глазами. В глазах вряд ли отражаются мысли. Вернее, точно не отражаются. Взгляд улавливает изменения мимических морщин и мускулов, складывает в гримасы, отражающие чувства и выдает желаемое за действительность. Если бы в глазах что-то отражалось... то в ее получился бы интересный коктейль. «Dark-Fear-Mistery-Daikiri»... хреновое название, но как-то так.

– Я хорошо. Спасибо. Ночью было страшно?

Она кивнула головой. И больше ничего. Конечно, еще как было страшно. Только так с ним и бывает, после таких вот переходов.

– Прости меня. Я пойду?

Она замотала головой. Вот дела...

– У меня пельмени есть. Мама лепила, вчера как раз привезли мне...

– Хорошо.

Да, он ей все-таки должен. И вполне понимает: что необходимо этой женщине, сделавшей для него столько.

Страх бывает разным. Кто-то боится соседского хулиганья. Кто-то дрожит из-за стоматологического кресла. Кто-то трусит из-за тяжелого дыхания за спиной. Кому-то страшно летать, а кому-то вода кажется кошмаром, полным акул и огромных зубастых неведомых тварей. Порой нет ничего страшнее просто переходить через дорогу, а иногда жутко не по себе из-за не вовремя пискнувшего телефона с ненужной смс-кой. Страх разный. Но он знал ее будущие страхи. Все до единого.

Спать только со светом. Несколько замков на стальной тяжелой двери. Решетки на окнах. Никаких ночных прогулок. Та ночная, когда она тащила его на себе, была последней. Так все и станет, хотя женщина еще не поняла всего этого полностью.

– Я Аня.

– Что?

Ее голос отвлек от мыслей.

– Аня...

Он кивнул. Назвал какое-то ненужное имя, оставшееся в прошлом. Пусть зовет так. Ей все равно. Сейчас для женщины Анны он не кто-то с именем и отчеством или даже фамилией. Он тот самый мужик с ножами, спаливший чудовищ, не существовавших еще пол-суток назад. И поэтому он никуда не уйдет до вечера. Пока ее не свалят нервы, накопившая усталость и сон. А пока задержится здесь.

Лишь бы не навредить ей, незнакомой молоденькой женщине, вчера спасшей его. У нее, как у любой другой, и так проблем много. Пусть половина кажется смешной и ненужной. Хорошо хоть, ему не приходится сталкиваться со многими, знакомыми куче мужиков вокруг. Самое плохое, что большинству было на них наплевать. На глупые и одновременно важные проблемы.

В жизни женщины очень много ненужных странных вопросов. Иногда даже стрессов из-за них же. Понятное дело, у мужчин таких моментов не меньше, если порой не больше. Ему доводилось наблюдать за ними, пару раз даже участвовать, но никак другим. Но, есть то самое Кое что понял: мужчина легко забудет на некоторые проблемы, если не сможет их разрешить. Женщина себе такого не позволяет.

Проблемы у женщин иногда даже звучат для мужских ума, души и самоопределения крайне странно.

Почему ты смотрел на вон ту крашеную шалаву целых три секунды? Я толстая?

Потому что она шла мимо и все.

Потому что я охотник и воин, стараюсь оценивать все угрозы издалека.

Потому что ее четвертый размер обтягивающе и открыто облегал красная ткань.

Выберите правдивый ответ сами, в любом случае, милые женщины, ваш выбор будет правильным. А разве может быть как-то иначе?

У меня жирная кожа. Это просто крандец. Я не красивая и постарела?

У тебя из-за жирной кожи нет морщин и ты красивая, «потому что» и все тут.

У тебя жирная кожа, зато красивые глаза и когда ты улыбаешься почти нет морщин.

У тебя жирная кожа, задница и пятки, ты старая и уродливая, ищу молодую сучку.

Ну, вы поняли, что тут надо выбрать, верно?

Терпеть не могу полоски от купальника. Сама загорела, а тут бледная.

Ёб... Это же вредно, ультрафиолет и все такое, верно? Сходи в солярий... Не хочешь в солярий, потому что вредно и ненатурально? А, в округе нет нормальных соляриев? Ёб...

Хотелось ли ему когда-нибудь таких же моментов в жизни? Конечно. Из-за таких вот Ань, совершенно не редких, просто не старающихся открыться и пустить кого-то в свое «здесь».

«Здесь» смотрелось уютно. Светлое и теплое, с оттенками кофе и янтаря. Удивительно приятное сочетание. Отдающее чем-то правильным и... традицией, что ли. Вот так всегда.

Простое желание жить хоть как-то красиво превращает крохотную двушку во что-то симпатичное. А кто-то не меняет обои, наклеенные еще комсомольцами-строителями.

Анна аккуратно возилась на кухне. Правильно, отвлечется. Соприкосновение с Тем миром никогда не проходят бесследно. Рассудок может не захотеть принять правду. И тогда... Тогда все становится плохо. А так, глядишь, обойдется. Есть, врать не стоило, хотелось сильно. Тело сожгло за ночь много нужных сил.

Он сел на удобный диван. Глобализация страшная сила. Даже здесь, в Кандрах или Октябрьском, он уже не помнил, мебель из «Икеи». Представить такое лет десять назад... никто бы и не поверил. Кроме москвичей.

Учительница, точно. Вон они, несколько фотографий взрослого класса. Аккуратные одинаковые рамки на стене у стола. Стол, кстати, старый, компьютерный. С полочкой для дисков. Рядом снова шведские вещи, сделанные то ли в Швеции, то ли в Китае. Полки с книгами. И полки с учебниками. Надо же, Достоевского или Некрасова не видно.

– Любишь фантастику?

– А? – она заглянула в комнату, вспыхнула неожиданным румянцем. – Да.

Сейчас многие любят сказки. Даже взрослые. Если конечно, взрослыми можно назвать детей, прячущихся во вполне взрослых телах. Ее взрослости, красивые и смуглые, мелькнули в разрезе обычного домашнего халатика. Анна вспыхнула сильнее. А ему даже стало стыдно. Совсем одичал, чего уж.

– Фантастика... Отдыхаешь?

Она кивнула. Конечно, отдыхает. Чего яркого здесь, если не захотеть увидеть? Крохотная кучка людей среди старых домов. Школа, с современными обычными и странными даже для нее школьниками. Может, какой-то любовник есть, никак не желающий стать мужем. Вот он и отдых, в строках, рассказывающих несбыточные сказки.

– Любишь иностранных авторов, да?

– Почему? – Анна искренне удивилась. – Нет...

Теперь удивился он.

– Так вон, как ее... Франциска Вудворт. Или вообще, Ирмата Арьяр. Надо же, венгры стали хорошо писать фантастику?

Она села в кресло за столом и расхохоталась. Как-то очень радостно и светло. Вряд ли из-за неведомой Франциски или там Ирматы. Скорее, нашла выход напряженным нервам, выпустила напряжение, ощущаемое в каждом движении и взгляде.

Отсмеялась, даже вытерев глаза, блеснувшие помимо воли слезами. Хорошими слезами, именно от веселья. Смеяться до слез... дорогого стоит.

– Они русские. Псевдонимы такие.

– А...

Псевдонимы, так псевдонимы.

– Посмотри, о чем?

Открыл, посмотрел. Романтика, вот как. Каждой её хочется, романтику-то. Лишь бы не борщили, лишь бы разделяли...

Романтика должна быть романтической. Хотя можно ли описать романтику также, как теорему Пифагора, например? То-то, тут как с формой груши на языке геометрии. Попробуйте описать форму груши без «грушевидная». Вряд ли выйдет, вот так же и с романтикой.

Порой романтику путают с чем-то другим, вещественным, со всякими там обязательными, именно обязательными вздохами, трепетными взглядами, свиданиями в неожиданных местах и обязательной красотой соития. С лепестками роз, шелковыми и невероятно скользкими простынями, красивыми и ненастоящими позами, еще какими-то там атрибутами. Настоящая же романтика неуловима, как неуловим запах весны в начале мая, когда листья берез почти прозрачны, воздух сладкий, а ветер именно весенний.

Как не поймать и не закрыть в пробирке запах весны, так и не передать точность романтики. К счастью или наоборот? Да кто знает?..

Но хотя бы попробовать сделать что-то «такое» иногда необходимо. Хотя бы попробовать. Хотя даже розовый свет может раздражать, как и просто свет, ведь вот тут вдруг вскочил прыщик, а тут какая-то непонятная складочка, а тут... В общем, как всегда.

И шелк, если разбираться, вещь не такая практичная, как обычный хлопок. Ну, зато и звучит красиво и гладится и даже смотрится. И капли вина с женской кожи только в фантазиях клево слизывать, а на ней липкие следы же останутся, да и все эти блядские завязки, шнурки и кружева даже с мыслью сбивают нужных, и иногда раздражают, а вообще... Ну да, всякое же бывает.

Самое важное – просто пытаться подмечать, слушать, вспоминать и пытаться вовремя применить все, хотя бы близко относящееся к той самой романтике двух взрослых людей. Перемены нужны не только в жилье, работе или виде отпускного отдыха. В постели перемены не менее важны, если разбираться. Обоим.

И это главное, ведь такие перемены бывают лишь в самой жизни. А не в фантазиях, пусть и напечатанных на бумаге с относительно неплохой полиграфией.

– Пойдем есть. Сварились уже, наверное.

Сварились. Запах чувствовался даже здесь. Только вставать не хотелось, совершенно. И она почему-то тоже не спешила.

– Пойдем. Расскажу тебе кое-что.

Пельмени оказались вкусными, а вот разговор тяжелым. Всегда тяжело узнать о некоторых сказках, оказавшихся совершенно не сказками. А страшными былями.

Пришлось объяснить про решетки на окнах, про стальную дверь и про темноту за порогом. Про собаку, что может почуять и хотя бы как-то предупредить. Про то, что их все больше и больше. Про Зло, ищущее прорехи в людских помыслах и находящее нужное. Про то, что всегда надо быть готовой.

Аня оказалась сильной. Да и вряд ли вышло бы иначе. Особенно, если вспомнить ночь. Или поздний вечер, тут без разницы. Она учила тех двух ребят, пришла... просто пришла. И увидела ненужное и страшное.

Обыденное зло страшнее любого голливудского. Никакие спецэффекты не помогут быть готовой к ужасу, таящемуся за порогом обычной квартиры. Зло оказывается так близко, не успеешь даже понять. И не стоит думать, что сможешь справиться. Если не будешь готов или готова. Им же, тем, как сожженные, все равно. Мужчина, женщина, ребенок. Голод и желание убивать. Больше ничего.

Она сидела напротив, молчала, перемешивая ложечкой давно остывший растворимый кофе. Мир вокруг трескался с хрустом бьющегося стекла. Остатки мира, еле-еле державшиеся после случившегося в душной и провонявшей свечами, потом и страхом квартирке на самой окраине.

– Мне пора.

Ждать не стоило, стоило уходить. Дорога неблизкая, после работы, выполненной в Уфе, уходить можно только автостопом и не светясь. Время перевалило за полдень, солнце скоро покатится вниз. А поймать попутку в темноте практически нереально. Да и тучи, клубившиеся за окном настораживали. Черные, плотно-снежные и яростно-холодные.

– Не уходи. Хотя бы еще немного. Пожалуйста.

Он вздохнул. Иногда не хотелось уходить из мест, так похожих на это. Уютных, теплых и спокойных. Но приходилось. По-другому уже никак не выходило. Каждому свое, и свой путь выбрал давно. А глядя в ее темные глаза уже понял, чего ждать. И хотел, и не хотел этого одновременно. Ведь так неправильно, совсем неправильно. И нечестно. Даже если эта совсем молодая женщина, живущая здесь, сама знала свои желания и сделала выбор.

Коснувшись Того мира, многое становится совершенно другим. Видя во что превращается чужая жизнь, взвешиваешь собственную иначе. И любой ее миг становится полноценно прожитым днем или даже годом. Если не всей полностью.

А эгоизм никто и не отменял. Как и желание быть, пусть и недолго, с этой красивой и блестящей глазами женщиной. И слова здесь не нужны. Совершенно.

Зачем?

Есть чуть безумные глаза, смотрящие в такие же напротив. Блестящие, зовущие, затягивающие в себя. Губы, дрогнувшие и встретившие другие. Язык, пробежавшийся по ним и коснувшийся такого же осторожного, мягко идущего навстречу. Дрожь, бывающая только в самый первый раз для двоих. Дрожь, пробегающая от затылка вниз и растворяющая в себе все вокруг. Кожа, пахнущая чем-то сладким и несколькими каплями кофе, скатившимися по чашке на шею и грудь. И ни с чем не сравнимая тепло, разгорающееся сильнее и сильнее, мягкое, не отпускающее, охватывающее со всех сторон и горячо пульсирующее. Две точки, губы и разгорающееся пламя внизу, только две точки, дыхание, пальцы, вцепившиеся в волосы на затылке, пальцы, переплетенные друг с другом, до боли и нежелания отпускать чужие. И одна на двоих волна, накрывающая с головой и топящая внутри своей ярости и нежности, разрывающих тело, сознание и всего до остатка и до вспышек в закрывшихся глазах.

Ручка у замка на ее двери оказалась хитро-хорошей. Подними вверх до щелчка и все, внутрь не попадешь. Если нет ключа.

Аня заснула. Закрывает глаза и тихо спала. Хотя он не верил. Женщин не обманешь, если те сами не захотят. Она захотела и закрыла глаза. И уж точно слышала щелчок закрывшегося замка.

Ее ждет новая жизнь. И не сказать, что его радовало осознание своего участия в ее начале. Хотел бы иначе, но... именно оно, НО, мешало.

До трассы добрался быстро. Подождал немного на остановке и пошел к где-то там впереди находящимся Бавлам. Снег начался позже, превратив его в запчасти для снеговика. И если бы не тот «фред», то кто знает, не превратиться бы ему в подснежник. Но вышло как вышло.

Ночь на парковке заканчивалась. Темнота на востоке прорезалась розово-рыжей полосой. Снега ждать не стоило. Этим утром стоило ждать хорошего пути до нужного города. А с водителем автобуса вышло договориться, место нашлось. Не стоило подставлять рыжеусого больше случившегося на заправке.

Он заснул, вымотавшись полностью. И проснулся только когда его растолкал сосед. Тот запомнил, где ему нужно было выйти. Заезжать в город на автобусе «Баштранса» было бы глупо. И опасно.

Накрапывал дождик, но вдали, над излучиной реки выкатывалось настоящее золотое осеннее солнце. Знак у остановки говорил нужное. Он добрался. Отсюда до города километров десять, не больше. Смешное название оказалось у поселка, где вышел. Новосемейкино. Уютное название. Доброе. Только вот он не верил. Ни в добро, ни в тепло.

Со стороны города, дымящего и парившего впереди, несло холодом, мраком и Тьмой. Он прибыл куда нужно. Это путь выбрал сам. И он ему нравился.

Чуть раньше-1: generation hexed

У каждого дела запах особый, кто-то там пахнет кремом и сдобой. Так было написано в тонкой книжке, что в детстве меня заставляли читать. На, натурально, родном языке автора. Да-да, на мягкой обложке с ядовитой абстракцией красовалось имя этого макаронника в самом настоящем, мать его, итальянском оригинале. Какого черта, хотелось бы спросить у родителей, оно мне было нужно? Да и черт с ним, на самом-то деле.

Как по мне, так сейчас даже кондитер пахнет искусственными заменителями аромата, а вовсе не натуральными корицей, ванилью или даже сливочным маслом для крема. Многие сейчас даже не могут представить, как это: торт, в котором все настоящее. Время, когда «Пепси» любили из-за большего содержания сахара, никогда не вернуть. Забудьте, натуральный сахар слишком дорог, чтобы добавлять его в жидкую порцию коричневого дерьма для торчков поколения «пехт». Или «hexed»? Им достаточно заменителя самого дешевого сахара, в самый раз. К чему все это я? Да все просто – запах у каждого свой.

Девушка на сиденье, все еще порывающаяся вскочить, работает в одном из дешевых съемных офисов. Такие серые бетонные коробки, полные кабинок с картонными перегородками. На конечной станции линии таких понатыкано много, даже слишком. От нее пахнет утренним кофе из светлого стаканчика с большой буквой «m» и пластиковой крышкой. И каким-то сэндвичем с яйцом и ломтиком поджаренного бекона. Или плоской котлеткой из свинины/курицы/теленка, в зависимости от добавленного заменителя. Уверен, что сэндвич ей кинули из лотка, на котором стоит значок «десять». Завтрак клерка, затяжка сухой сигаретой «пэлл-мэлла», гастрит, одиночество, следы на ежедневке, лежащей в дешевых трусиках из недельного комплекта, купленного в универсальном магазине на распродаже. И тонкий, еле уловимый, запах заразы, подхваченной на прошлой неделе из-за отсутствия нормальной личной жизни. И уж наверняка, зуд в самых интересных местах.

Парочка, мужчина и женщина, со смуглой кожей, черными жесткими волосами, в шуршащих поддельными лейблами спортивных костюмах. Чесночная колбаса на завтрак и настоящий чай, колбаса из ларька, чай с родины. Дешевое, но от того не ставшее хуже, чем «с добавлением натурального крема», туалетное цветочное мыло. Эти тоже, как обычно, по утреннему маршруту, на орущий и галдящий рынок, забитый под завязку такими, как они, узкоглазыми, жадными, наглыми. Новые люди великой страны, ничего для нее не сделавшие, но решившие здесь жить.

Зато они пахнут своим утренним счастьем, наполненным острой перечной страстью крохотную квартирку среди панельных сот, населенных их земляками. Счастьем, сотворенным наспех, в скрипучей и просевшей кровати, застеленной протертыми и вспотевшими простынями. А вот нагреть воды на двух конфорках узкой плитки и помыться они не успели. Потому запах счастья так ошутим.

Еще не старый мужчина, одетый в костюм из натуральной шерсти. Ему явно жарко, но он терпит, потеет и преет в своей шерстяной броне. Он весит на добрый десяток, если не больше, лишних единиц по шкале соотношения веса и массы тела. Ему бы что-то полегче, и пройти расстояние между своими станциями, а их всего три от первой до последней, пешком. Нет, отставить, никак невозможно, у него не в меру дорогой костюм, лучше покрываться испариной и темными дорожками на сорочке под пиджаком. Но даже запах его прокисшего пота, лосьона после бритья «Burberry», вчерашнего крепкого алкоголя и начищенных утром туфель не перебьет внутреннего *ambre*, отдающего сладостью только-только начинающегося разложения. Его пока не почует даже специалист. А я да, на свою беду.

Он обречен, но не хочет признаваться в этом даже самому себе. Или пока не знает, все возможно. Рак, цирроз печени, грозящий скоро перейти в стадию некроза, или еще что-то, не

менее плохое. Но он лишь вытирает полнокровное лицо платком, и потеет дальше. С кишечником тоже не все в порядке. Он думает, что никто не понимает, когда портится воздух. Ошибается... и добавляет немного в общий букет.

Здесь, в замкнутой коробке вагона, мне сейчас очень легко уловить и еще несколько нот, легко вплетающихся в запашистую метро-симфонию. Тревожных, жужжащих дрелью, вгрызающейся алым диссонансом в сонное спокойствие вагона. Липнувших серым клеем рваной синкопы, замешанной на формалине пополам с трупным ядом, и остро звенящих желтыми звонкими маячками опасности.

И они, эти ноты, легко перебивают не только запахи, но и сами звуки. Перелистываемых страниц, быстрых, еле слышных кликов клавиатур, эха от мелодий в наушниках плееров, почесывания, еле сдерживаемой отрыжки или икоты, поскрипывания сиденья под чьим-то нервно дергающимся задом. Да-да, все это могу слышать и ощущать. И не завидуйте, не стоит. Я слеп как крот. Ничего не вижу, но все слышу и ощущаю своим, сильно обострившимся, обонянием. Думаете, рад этому? Нет, совсем нет.

И все они: и милая в чем-то девушка-клерк, хотевшая уступить мне место, и краснолицый толстяк с пока отсроченной смертью – все, наверняка, постоянно смотрят на меня с жалостью и тут же отводят глаза. Взгляды чувствуешь, чувствуешь всей кожей, самим собой, тонкой прослойкой меня недавнего, и новорожденной и нарастающей броней меня настоящего. Они цепляются за тебя, хватают, прилипают, отдираются со звуком раздавленной подошвы плоской жирной мокрицы. Отдергиваются, когда широкие полосы бинтов под непроницаемо черными овалами очков поворачиваются к ним. Прячутся, уставившись в одну точку и немедленно возводя вокруг себя крепостную стену из «нет-нет, не хочу, это не я, но помог/помогла бы, бедный-бедный-бедный, но ведь недавно, как же???».

Да вот так, и не надо смотреть на меня с жалостью. Я еще не умер, черт вас подери, а очки? И что? Да, на моих глазах толстый слой пахнувшей умирающей стерильностью ткани. Но это я, живой и теплый человек, несколько месяцев, после переезда в район третьей станции линии, катавшийся с вами в это время в последнем вагоне. Так что не надо, вот так. Паутина из трех перекрещивающихся липких нитей лопается со звуком бьющегося стакана. Помните меня другим? Я очень рад.

Сколько? Два месяца, полторы недели и треть дня полной темноты, насыщенной только слуховой волной и запахами. Уже привык. Уже научился. Даже стараюсь не быть как один из постоянных попутчиков, который не ходит в очках и пользуется палкой, похожей на мою. Нет, нет, ни за что. Никогда не мог понять этого человека, который вылетал из вагона подземки со скоростью биатлониста на старте, размахивая своей этой клюшкой. Пару раз при мне больно задевал ею по детям, родители не ругались, объясняя детишкам про слепоту. А мне почему-то не верится. Из-за врожденного цинизма? Из-за наушников, в которых громко орет тяжелый металл? Говорю же – слышишь и ощущаешь все совершенно по-другому. Плюс ли это?

Не знаю, тяжело сказать. Лето начинается, тепло с мая, три месяца назад представлял себе, как могу скоро начать любоваться девушками. Не вышло, как сами понимаете. Не вопрос, женскую красоту можно ощутить и по запаху, и по касаниям. Опыт уже есть, врать не стоит. Но одно дело видеть женскую спину, бедра, грудь, задницу, в конце концов, другое – только ощущать ладонями. А с другой стороны? Не видеть дешевый шелушащийся лак на не обстриженных ногтях без признаков педикюра? Да я только за! Слишком обтягивающую блузку, грозящую треснуть по швам, когда владелица намеренно сексуально, как она думает, встает, выгибаясь лишними килограммами? Великолепно! Наверное, что великолепно. Мне сейчас покажется Венерой любая, если уж честно.

Минусы? Есть, как им не быть. Когда ты знаешь недоступное, пока недоступное большинству, когда ты сталкивался с ним... оказаться без зрения не просто плохо. Это смертельно опасно, учитывая тех, кто пока является врагом, волей-неволей играющим роль добычи.

Добычи, считающей себя охотником. Хотя, вряд ли кадавр может что-либо считать. Но, опять же, мне не дано знать этого. Разбираться в работе субстанции, находящейся в их черепных коробках – это не ко мне.

Мне вполне хватает знать о надвигающейся на нас беде, справиться или остановить которую невозможно. Разве что спалить весь мир, вместе с обитателями, не больше и не меньше. Можете считать подобный взгляд проявлением любого расстройства психики. Будет ли мне дело до этого в момент, когда чьи-то зубы вгрызутся в ваше горло? Почему еще? Хм, дайте подумать. Просто у Зла разные лица. Порой они очень красивы и запоминаются на всю жизнь...

Намного раньше -1: necroticism

Я сглотнул, прогоняя по пересохшему горлу вязкую слюну. Прижался вспотевшим лбом к ржавой балке перекрытия, чувствуя, как горит кожа. Дышать нужно тихо-тихо, стараться не сопеть и двигаться как можно тише. И ещё нужно постараться не чихнуть, хотя это очень сложно. Вокруг много пыли и паутины, и засохших мышинных катышков, перьев и светлых потеков, оставшихся от когда-то и кем-то построенной голубятни. Пахло здесь, под самой крышей, отвратительно: и кисло, и едко, и как-то ещё. Может, дряхлостью здания? Да какая разница, ведь сейчас запах, поднимающийся снизу, перебивал все. Густой, тяжелый и сладковатый, дурманящий голову, заставляющий сердце стучать быстрее, хватать воздух широко открытым ртом. Хотя и не только он. Там, внизу...

Старые, с облупившейся краской, синей и красной, доски пола спортзала исчерчены мелом, взятым, наверное, в комнате вожатых. Извивающиеся червяки непонятных надписей, напоминающие арабски из красивой книжки «Тысяча и одна ночь», которую совсем ещё недавно брал в детской библиотеке. Книгу давали не всем, но библиотекарь Валентина Петровна меня всегда любила и подсовывала самые интересные новые поступления. Только там они казались красивыми, а здесь, в тухлятом здании спортзала, нет. Все надписи шли по самой границе двойного круга, под снятым баскетбольным щитом.

В центре красовалась звезда из соединяющихся прямых линий, один в один как те, что рисовал на «хвостах» бумажных самолётиков, пускаемых в детсаду. По ее краям темнели взятые из столовой лагеря старые эмалированные миски, в которых тихо тлело что-то, из-за чего сюда, под крышу, поднимался этот самый тяжелый и дурманящий запах. И еще вокруг блестело огоньками много свечей. Коротких и длинных, толстых и тонких, совсем почти оплавившихся стеариновых огрызков и новеньких, ароматических, глупо-красивых, разных. Мерцали, горя ровно и ярко, давая достаточно света и рисункам на полу, и разложенным матам.

Пять человек, лежащих навзничь. Пять вершин звезды. Трое парней и две девушки, вожатые старших отрядов, студенты: Кирилл, Роман, Сева, Лида и Татьяна Вячеславовна. Странно, но даже сейчас не смог бы назвать ее Таней, не говоря про Таньку. Именно Татьяна Вячеславовна, по имени и отчеству, только так.

Как хохотали пацаны с отряда, как глупо хихикали девчонки, когда вот так обращался к ней. Пунцовый, взволнованный и немного заикающийся... Всегда старался не смотреть в холодные голубые глаза, не останавливаться взглядом на строгих, вытянутых в ниточку, тонких губах без следов помады. Ей она была без надобности. Губы, пусть и тонкие, но очень красивые, розовые, нежные и наверняка очень мягкие. Хуже другое.

Сам того нехотя, но я не смотрел ей в лицо, нет-нет. Всегда старался опускать глаза вниз и постоянно наткался на выпуклости белой ткани блузки, туго натянутой на её груди. От этого становилось еще хуже, и багровели даже кончики ушей. А рядом всегда тихо заходились хохотом отрядовцы, давно вопившие за спиной: «влюбился, влюбился!!!» А сейчас... Что это?! ...мама...!

Захлопнуть дверь! Провернуть ключ в замочной скважине! И к несгораемому шкафу, стоящему у двери, и навалиться на него! Тяжело?! Ногти выдрало на двух пальцах? Хочется крикнуть от боли в спине, от нее же, тянущей в ногах, от этой мерзавки, разрывающейся в плече? Покричи, хуже не станет. Потому как уже некуда...

В коридоре, только-только пустом, раздались мягкие шлепки босых ступней. Тварь не скрывалась. Тварь шла вперед, очень желая добраться до меня. Ее жажда, горячая, обжигающая, переливающаяся всеми оттенками красного, успела коснуться многих и почти догнала меня. Но этого ей казалось мало.

Впереди существа, идущего к двери кабинета начальника лагеря, мощно и неотвратимо катилась волна страха. Колючая и осязаемая, давящая, сжимающая в своих тисках. Волна душила смрадом, проникающим через щель под дверь. От неё скручивало в холодную, острую и леденящую спираль внутренности. Сердце рвалось наружу, майку с Ван Даммом хоть выжимай от ледяного пота. Мускулы, и так не особо развитые, пытались прикинуться пластилином, растекшимся от жаркой боли. Шкаф не поддавался, кто-то всхлипнул, чувствуя, как шаги становятся всё ближе. Кто? Это же я...

Сердце в груди – дах-дах-дах! Скачет, прыгает, сбивает дыхание и не дает прийти в себя. Темно, в темноте кто-то прячется? Или здесь еще нет никого плохого? Это не фильм ужасов по виду, это взаправду, но так же не бывает!

Может показалось? Может, я лунатик? Может...

Скр-р-р...

Еле слышно скрипнул пол. По двери, с треском, сверху вниз, провели твёрдым и острым. Шкаф гулко ухнул, едва не расплющив пальцы на ноге. Мои собственные зубы вцепились в ладонь, сильно, до крови. По двери, сфыр-сфыр, настойчиво, с издевкой, еще раз прошлись острым. Теперь сразу в нескольких местах. Сфыр-р-р... треснула плотная крашеная древесина, плюнула наружу щепками. Внутри не ничего не полетело, остроты не хватило. Или прочности, или еще чего.

Я не знаю, чего именно. Зато знаю другое. Сюда, за мной, пришла именно она... Татьяна Вячеславовна. Потому что видел...

...Как неожиданно задёрнулись, неимоверно скручиваемые и выгибаемые судорогами, тела на матах. Как Лида, вожатая соседнего отряда, бледная до синеватой белизны, быстро бежит в сторону входной двери. Как двое парней кидаются следом за ней, низко стелясь над полом, прыжками, приплюсываясь и подвывая. Как третий, Сева чуть останавливается, поводя ноздрями, жадно втягивает воздух. Но уходит.

И, пятясь спиной к держащейся на «честном слове» вентиляционной решётке, через которую и пролез в спортзал, успеваю увидеть, что ОНА не ушла вместе с остальными. Стоит, выпрямившись, посередине двойного круга, жадно прогоняя воздух, улавливая в нем мой запах. Запах моего страха, моего пота, моих промокших джинсов. Стоит и смотрит в сторону балок под крышей глазами, что потеряли свой голубой цвет.

У НЕЁ вместо них теперь багрово рдеющие угли в угольной черноте. И сейчас они (да-да, знаю это, знаю!!!) видят только меня. И спиной вываливаюсь отсюда, падаю, успеваю ухватиться за толстые ветви старого клёна, по которому всего час назад карабкался под крышу. Приземлился... да нет, лянулся мешком, набитым картошкой, до хруста, до вспыхнувших белым кругов в глазах... но целый. Ударившись всем телом о землю, выбив дыхание, засучил ногами, пытаюсь встать. Со звоном и треском, блеснув в лунном свете россыпью осколков, разлетелось одно из высоких окон под напором вытянувшегося в прыжке существа с пустыми жадными глазами уже мертвого лица. И вскочил, и ринулся к основным корпусам, и побежал. А за спиной, мелькая в редких лучах фонарей, мягко и неумолимо догоняла бывшая вожатая.

Глава четвертая: чёртов Мак-Дак, смертельная красота и доставшая усталость

Сейчас цивилизация стала куда легче ощутима. Для ее признаков совершенно не нужно ярких демонстраций торжества науки или культуры. Знанием Шекспира удивлять не принято, куда важнее уметь пользоваться Сетью. А цивилизация определяется наличием в легком доступе торгового центра. Большого торгового центра. Желательно, чтобы с катком. Куда там без катка-то?

Громада «Меги» появилась справа весомо и важно. Нависла над трассой, синяя с желтым, величественная, аки дреднот флота Ее Величества. Настоящий признак настоящей культуры, куда там каким-нибудь иранцам с их многовековой персидской. Тольяттинский автобус на развязке повернул как раз к ней. К «Меге», не к персидской культуре. Молодежь, подхваченная у Красного Яра, рвалась к развлечениям. Пассажиры из Автограда возмущались, водитель молчал. Имея в кармане удачно срубленные триста рублей молчать очень комфортно.

Вместо автовокзала выйти в «Меге»? Он не возражал против торгового центра. Начать утро с умывания и завтрака казалось вполне нормальным. А уж думая о кофе из «Мака» даже хотелось улыбнуться. Чтобы и из чего бы там не лепили жранину, кофе хорош. А как еще может быть в случае с «Паулиг»?

Одинаковый и ровный, как по линейке, огромный недорогой район у ТРК всю оживал. Воскресенье, время покупок необходимого и не особо, нужного и втюханного. День походов в торговые галереи, поднятия настроения шоппингом и простым прожиганием. Не жизни, а денег, заработанных не так и просто. А как можно поднять настроение в «Меге»? Да легко:

– Поехали в Икею, новую шторку выбирать.

– И фужерчики?!

– И фужерчики.

– И..?!!

– Да!

Бусы для индейцев давно стали классикой. Подписать кредитную кабалу из-за телевизора полтора метра по диагонали? Да легко.

Он прошел с подземной парковки до эскалатора, поднялся и покрутил головой. Интерактивная стойка радостно мигала светодиодами. Нужный сектор оказался недалеко.

Утро хорошая пора. Жажущих фаст-фуда пока еще немного. Как и забитых туалетов. Делать замечание хмурому небритому человеку, чистившему зубы в одном из них, никто не стал. Включая охранника, многозначительно пошевелившего бровями в зеркале.

Радостно-идиотски улыбающийся сотрудник кассы выпалил все дежурное. Не забыв предложить сраный вишневый пирожок. Иногда ему даже хотелось проверить – где у них подключение к серверу, контролирующему программу, записанную на жесткий диск подкорки. Но каждый сам выбирает где, как и чем зарабатывать, а любая честная работа лучше воровства. Хотя многие с ним точно бы не согласились.

Два стакана капучино удивили какую-то мамашку за соседним столиком. Зато не удивляло собственное чадо, лет так одиннадцати и с весом пятнадцатилетнего, радостно улетающее второй чизбургер из трех. Он пожелал ей доброго утра и довольно кивнул, увидев блеснув-

шие страхом глаза. А то, маньяки-педофилы и арабские террористы обычно так и поступают: пьют по два стакана кофе и желают чего-то доброго.

Как же, мать его, хорошо. Первый стакан выпил залпом, наплевав на всякие там вкусовые ощущения. Просто взял и хлопнул, сняв крышку. Почти как водку. Посидел, переваривая первое приятное ощущение за день. Думать о серьезном не хотелось. В отличие от желания тупо пожрать. Именно пожрать, а не поесть.

Гамбургеры = зло. Это знает всякий. Разве вот мамашка за соседним столиком думает иначе. Может у ее отпрыска специально прописанная диета из бургеров и шаурмы, кто ж знает? Но, порой, очень в крайнем случае, раз в пятилетку или в две недели, без них никак не вышло. Переезжая из города в город, кочуя по стране, следуешь негласным правилам. Есть там, где стоят дальнобои. А завтракать и пить кофе в чертовом Макдаке.

Знакомый до миллиграммов вкус свиной котлеты, омлета и булки типа из грубой муки. Это даже плохо. То ли дело пельмени из фильма «Олдбой», что вроде бы одинаковые... ан шиш. А вот с этой булкой и прочим так не выйдет. Филигранно настроенная система маркетинга и продукты, отправляемые в замороженном виде, свое дело делали четко. Везде, от развалина Парфенона, до Дворцовой или края Калахари долбаный утренний бургер останется сам собой. А он никак не мог запомнить их названия. Чего-то там со свиной котлетой.

И чуть не поперхнулся. Запах Другого оказался неожиданным. Вернее, Другой.

Мавка. Натурально, мавка. Третья, встреченная за всю его длинную жизнь в этой стране. Высокая, стройная, в коротком, по... по нижние обводы, пальто, пошитом по точеной фигурке, с роскошным черным взрывом волос, огромными глазами и живыми губами. Что больше привлекало, сказать сложно. Половина мужиков на фуд-корте, разинув рты, пялились на ее идеальную задницу, совершенно забыв... или забив на жен. Вторая половина тарасилась как раз на лицо. Это да, красота у Другой чудовищно страшная. Звучит глупо, но так и есть. Красота дикая, яркая, влекущая.

Сколько мужиков, парней и мальчишек поддались на нее? Много. Он не любил мавок. Не из-за безумной красоты, нет. Просто знал и видел куда больше обычных людей, смотрящих невозможный тут, посреди запахов фаст-фуда, фильм с голливудской звездой.

Невозможно любить чертovy карие глаза, если видел, как они становятся дикими и страшными, меняя форму, становясь больше и заостряясь по краям. Нельзя любоваться полными длинными губами, хотя бы раз застав превращение в резиново-жабью пасть, скрещенную с капканом на волка. Не получится наслаждаться длинными тонкими пальцами со свежим маникюром, зная, как легко ногти становятся острыми крючками, беспощадно и с наслаждением выпускающими кишки и потрошащими жертву живо.

Но поднос пришлось подвинуть. Манеры, сами знаете, это визитная карточка мужчины. Если, конечно, он настоящий мужчина. Мавка села напротив, мило улыбнувшись малолетнему любителю вредных харчей и потрепала его за щеку. Совершенно мило, еще милее проворковав что-то встрепенувшейся мамашке. Та улыбнулась, закивала, вернулась к крайне важному занятию: снова занырнула в какую-то соцсеть.

А мавка показала себя пацану. Лицо мгновенно потекло, обострилось на скулах, на нижней челюсти, вокруг носа. Натянулась бледная прозрачная кожа, испрепеченная черной паутиной сосудов. Губы почернели, растягиваясь и выпуская длинные тонкие и очень острые зубы. Акуля улыбка, что и говорить.

Проследив взглядом за мамашкой, дуром орущей и никак не догоняющей паренька, мавка усмехнулась.

– Зачем? – поинтересовался он.

– Не люблю ненужных соседей.

Он кивнул.

Мавка придвинула к себе свой поднос. Вооружилась вилкой и ножом, начиная представление. Как можно есть булку «синнабон» так, чтобы все обладатели яиц вокруг видели фильм для взрослых? Ну, как... возьмите уроки у мавки. Он подумал, прикидывая, и остановился на мысли о немалых заработках, захоти та открыть модную школу секса.

Тонкий длинный язык слизывал каждую капельку сливочно-белого густого соуса перед тем, как снять кусочек плотного теста, еле коснувшись его зубами, вновь ставшими красивыми и фарфоровыми. А уж как она двигала губами, медленно-медленно пережевывая каждую порцию, как блестели ее глаза, наслаждаясь мгновениями пряного вкуса, касавшегося ее нёба. И это неуловимо-растянутое во времени движение, когда, чуть приоткрыв пухлые темные губы, кончик языка подхватывал последнюю сладко-густую каплю в самой краешке рта.

Он вздохнул, откусив за раз половину бургера. Чертовы фокусы древней нечисти всегда казались похожими на похмелье. Вот, только глотнул и так хорошо... И, тут же, остается только одно желание. Зато сильное. И реализовать просто. Руку назад, под куртку и, одним ударом, снести к чертовой матери эту красивую головку с ее водопадом кудрей и лукаво поблескивающими глазами.

Мавка поняла. Легкое, сладкое и незамеченное им облако вокруг рассыпалось и пропало. Умница девочка.

– Что тебе надо?

Мавка повела чуть дрогнувшим кончиком тонкого носа.

– Не мне. Глаза бы мои тебя не видели.

Не врала. Ее глаза совершенно не хотели его видеть. Потому что мавка боялась. До глубокой внутренней дрожи, сдерживаемой из-за глупой гордости. Гордости Другой, древней, не равне ему, обычной обезьяне. Обезьяне, которую боятся все Другие. Потому что знают, как он решает вопрос с не-мертвыми. И с любым из них, если потребуется. Наша слава опережает нас, говорил то ли Шарль де Голль, то ли какой-то киногерой. Все равно, смысл остается один и тот же. Если мысль умная.

– Кому?

– Старшим.

Старшим... Хм.

Врать себе не стоит. Никогда. Других мало. Так было всегда. Но и когда их мало, меньше опасностей не становится. Другие стараются не лезть без причины. Им всегда хватит отвоеванной доли в мире людей. Но не стоит не обращать внимание на желания тех, кого Другие выбирали Старшими.

Последними виденными Старшими оказались обережник и росомаха в Ебурге. Седая неповоротливая глыба с густой бородой, одетая в кожу и молчавшая всю встречу. И тонкая огненновласая гибкая женщина лет тридцати, с глазами старухи, жившей много-много веков. Разговор вышел неприятным. Вмешались два воняющих пробивающейся шерстью здоровяка. Они жаждали поквитаться за убитую им стаю в тайге у Камня. Но ему не пришлось ничего делать.

Старшие пригласили его на разговор. Стая нарушила договоренности, подрала охотников. Насмерть. И забрала с собой единственного выжившего. Молодого парнишку, нужного стае то ли как консервы на дальнейшее кочевье, то ли как новый член самой стаи. Он не разбирался. Шел по следу несколько суток, нашел и убил всех. Включая парнишку.

Родственники погибших рвались поквитаться. Запахло пробивавшейся шерстью и проблемами. Обережник только шелохнулся, почти незаметно. Оба качателя прав наверняка пришли в себя только после ухода ненавистного человека.

Так что он не хотел бы ссориться с местными Старшими.

– Тебя приглашают сегодня вечером на встречу.

Мавка нервничала, все же выдав свои чувства. Экий он мужчина, да? В его присутствии даже такая красавица чувствует себя неуверенно. Осталось только гордиться своими успехами, что и говорить.

– Где?

Она наклонилась и прошептала на ухо. Старательно не касалась его даже кончиком одной пряди. Как тут отказать себе в мелочи? Мавка удержалась только безумным усилием. Лишь глаза вытянулись, превращаясь в черные звериные, побежали волнами к краешкам. Но... мавка удержалась.

– Не бойся, – он усмехнулся, так и не выпустив длинную гладкую прядь, – ты же послушная и порядочная девушка, да? Не хулиганишь?

Мавка оскалилась, блеснув жемчугом ровным красивых зубов. Сколько глаз сейчас смотрели на него с завистью и зарождавшейся злостью? Хрен знает. Как же, какой-то то ли бомж, то ли что-то такое, лапает такую красавицу за просто так, а та и не против! Кто бы отказался быть на его месте? Да-да, соседи, так и есть. И лучше лопайте свои бокс-мастеры и нагетсы, даже не пытаясь уединиться с чернокудрой смертью на точеных красивых ножках.

– Не бойся, – повторил он, уже немного жалея о поступке, – не трогаю вас без причины. Мое дело не вы.

– А кто? – пшикнула мавка злобой и недоверием, – кто?

– Те, кто восстают. Те, кому не ложится в гробах.

Мавка скрипнула зубами.

– Расскажи это кому-то еще. Или роду, чей клан ты вырезал у Камня... Охотник. Мы знаем про тебя. Мы знаем про тебя все.

Прямо напугала...

Он откусил половину оставшегося чизбургера, прожевал. Внимательно посмотрел в блестящие дикие глаза.

Бургер штука странная. Чего в нем такого, в так себе булке, котлете из не-пойми-чего, куска типа сыра, маринованного вялого огурца и явно несвежего лука? И ничего, естся, да еще просится. Временами. Иногда даже полезно. Как сейчас.

Лук тут попался... ядреный. И вонючий. Им-то он и дохнул на мавку. Не смог отказать себе в удовольствии. Не любил Других, особенно как вот эта красивая тварь. Ничего, пусть думает про него как о очередной мерзкой обезьяне. Нормально.

Хорошо, что не зашипела. Дернулась, на крохотный миг блеснув чем-то таким... таким странным в глазах. Незаданным вопросом, несказанным вовремя словом. Кто их, Других, поймет?

До нормально попрощаться самообладания мавки не хватило. Зато и ушла красиво. Как и пришла. Отвисшие челюсти, слюни, взгляды и чуть ли не подвывихнутые челюсти. И вполне много-много разозленных жен, любовниц и пока еще просто подруг. Красота страшная сила.

Он усмехнулся. Люди никогда не изменятся. А уж мужики точно.

Часы показывали почти одиннадцать. Самое время связаться с кем нужно.

Сеть не любил. Штука, придуманная для удобства, превратилась во что-то большее. Слуга обратился монстром. Невидимым, неосязаемым демоном, медленно и неотвратимо разьедающим души. Даже здесь... или особенно здесь, плоские тонкие коммуникаторы виднелись повсюду. Светились экранчиками, изредка попискивали оставленными старомодными звуками на сенсорных кнопках. Вспышки камер, глупая выкладка дешевой стремной еды в Сеть. Утро дарит нам радость. Радость выражается в рисовых колобках, лапше-удоне, блинчиках, нагетсах, бургере или еще какой булке.

Телефон нужен для звонка. Сеть нужна для коммуникаций. Или для работы. ВК подходила как нельзя лучше. Раствориться в миллионах разных лиц, выдуманных и настоящих, тысяче тысяч имен, вымышленных и истинных, легко. То, что надо.

Старенький смартфон засветился, приняв сообщение.

«Говорящее дерево». Конspirаторы, чего уж. В этом волжском городе говорящее дерево есть только одно, хотя и металлическое. И совсем даже не дерево.

Путь в голове выстроился сам собой. Не стоит рисковать и включать GPS. Куда неудобнее, но вернее, изучить карту и номера общественного транспорта с маршрутами. Сложно по первости, потом привыкаешь. Если тренироваться, каждый город отложится в памяти и не заблудишься, будешь знать все пути-отходы.

От «Меги» в город шел совершенно цивилизованный бесплатный автобус. Как раз до нужного автовокзала. Кофе, на всякий случай, купил еще один. Как-то очень подозрительно хотелось зевать.

Куда смотреть, оказавшись в первый раз где-то, чтобы понять хотя бы что-то? Просто вокруг. Желательно не слушая ничего в наушниках, а внимая людям. Много узнаешь, если уметь отсеивать шелуху. Только сейчас ему совершенно не хотелось ничего такого. В городе есть свои, расскажут. Рассматривать оказалось интереснее. Хотя музыку он так и не включил. Мало ли?

Снег сюда не добрался. И даже тучи, ворочавшиеся серой живой массой, проглядывали светлым. Стоило порадоваться, зима не лучшее время для работы. Если, конечно, не считать порой полезного мороза. Не-мертвым с ним справляться тяжелее. Черная стывшая кровь не греет, только дает возможность двигаться.

Рядом, чуть задев сумкой с вышивкой-апликацией, шлепнулась женщина... девушка. Приглядевшись, стало ясно: ошибся. Девчонка. Просто сразу не разобрался, слишком много краски на лице. Дева, обзрев его, хмыкнула, поправила огромные беспроводные наушники и откинулась на спинку. Гордо и независимо. И то и другое явно имели происхождение из комплексов. Если судить по самой деве.

Та дисгармонировала со всем вокруг натуральной белой вороной. Совершенно не вязалась ни с городом, ни с людьми, ни со всем остальным. Если правильно помнил, таким место в Столице. Там никто внимания не обратит. А здесь... а здесь все же пялились. Больше, чем на двух негров, одетых как в стужу и не снимавших капюшонов. Не, а чего? С ними-то все ясно. Местный аэрокосмический кого только не принимал под своими гостеприимными сводами и кровлями. Приехали откуда-то, видать учатся на водителей личного вертолета Н-Коно Бананмбе из Зимбабве. Не иначе.

Стало стыдно до желания подойти и извиниться перед пареньками. Побороть в себе расиста получалось с трудом, временами и далеко не всегда. Но то-то ладно. Дева, вот это да.

Рыже-кукольные волосы, казавшиеся жесткой проволокой. Леггинсы, с дырками и видневшейся сеткой колготок-чулок. Парка-хаки с нашивками каких-то колюче-панковских групп. Перчатки-митенки, выпустившие красные замерзшие пальцы с черным лаком на ногтях. И проколы-проколы-проколы. Тоннели в ушах, два скромных гвоздика в крыльях носа, по три кольца на бровь и два для нижней губы. Ну и штанга, мельтешившая между губ, мешая надувать пузыри жвачки. Одно слово: среднестатистическая студентка в провинции.

На нее многие вокруг смотрели не скрывая совершенно колхозного нездорового интереса. И, вполне возможно, троица парней, сидящих позади, вдобавок проявляли еще более нездоровый. Почему-то показалось, что интерес выразится явно не в попытке познакомиться и пригласить в кино.

Что поделать, современные нравы, торжество восторженно побеждающего феминизма. Если женщины хотят быть как мужчины, то и к побоям стоит относиться философски. Вот только, беда, его воспитание все же было немного другим. Равно как отношение к гендерным вопросам и феминизму.

Автобус спокойно пер вперед, не сворачивая. Московское шоссе, серо-новое, готовое к Чемпионату мира, убаюкивало. Он привык. Спать ему хотелось постоянно, последние... много лет. Или даже не так. Просто хотелось отдохнуть. Как-то совершенно по-людски, с морем, солнцем и все такое. Не складывалось. В последний раз, когда выпало поваляться у соленой теплой воды, выпало и другое. Упокоить небольшую гостиничку. Все бы ничего, но работать в той жаре больше не хотелось. Пусть местные занимаются.

Жара, солнце, горячее и раскаленное. Протыкающее насквозь пылающими тонкими иглами, лезущими повсюду. Закипающее красное, вытекающее через край медного таза, плюющее плавящимися липкими пузырями. Ветер, раскидывающий алые капли в стороны, брызгающий сладко-металлическим вкусом и мешающий тягучие пурпурные нити с песком, превращая в бурый кисель. Белый алебастр сложенных в безумном порядке твердых блестящих изгибов, прямых, полушарий с черными дырами симметричных провалов. Отражающаяся от сияющей белизны золотая монета на голубом старательно хватала крючьями глаза даже через стекла очков. Черные перья и хриплое карканье преследовали бурлящим ритмом хард-рока, вгрызаясь прямо в начинавший закипать мозг...

Он выдохнул, глядя на спинку сиденья перед собой. Чертова усталость. Хочется домой. Где только его дом? То-то и оно...

Перед глазами возник его картонный стаканчик с кофе. Дева, переставшая быть гордой и прочее, смотрела с пониманием. Ни с хреновой жалостью, состраданием или какими-то другими, приписываемыми женщинами эмоциями. Фига. С самым обычным пониманием.

– С работы?

Хм, хороший вопрос.

– Типа того. Спасибо.

– Не за что. Не видела тебя. Ты на погрузке?

Что? А, ясно. Врать не хотелось.

– Не работаю в «Икее». Еду просто издалека.

– Не местный?

Он помотал головой. Вроде как точно не местный. От слова «совсем».

– Вписка есть?

– Что?

Порой казалось: живет в какой-то чужой стране. Порой не выходило понимать таких же, как он, родившихся здесь и говоривших на одном языке. Дошло, правда, быстро. Вспомнил.

– Есть. Квартиру должны снять. Командировка у меня.

– А-а-а, ясно...

Что ясно, интересно? Кофе успел совсем остыть, но пить хотелось сильнее, чем оставить стакан для мусорки.

Ребятишки, вроде как желающие сделать что-то не особо приятное рыжей, так и не вышли. Да и ладно, хуже для них же. На добро надо отвечать тем же. Мог остаться без кофе, разлить его на себя. А девчонка помогла, хотя никто не просил. Может, все-таки обойдется?

– Пересядь к окну.

Ехать еще минут пятнадцать, стоило убрать ее от прохода. Всякое случается. Могут выходить и наподдать с ноги, потом удрать.

Она вскинула глаза, такие же, как волосы, рыжие. И снова понимающие все. Чтоб тебя, дурочка-умница, неужели ты все знаешь и не пытаешься как-то уйти от этого?

Век сменяет век, цивилизация мягко захватывает все вокруг. Охватывает тысячами километров трасс, сетевых кабелей, вышками мобильной связи и федеральными сетями супермаркетов. А люди остаются людьми. Злыми обезьянами, жаждущими разорвать такую же обезьяну, только из другого племени. Макаки с красными задницами ненавидят макаков с белой полосой на спине. Белая полоса = ЗЛО. Запустим в нее клыки, располосуем когтями и деше-

выми китайскими раскладухами, затопчем пятками и подошвами кежуальных зимних кроссовок. Время течет, люди остаются сами собой.

Кто они? Скорее всего, хулсы. Обычные околофутбольные парнишки, любящие пивас, размяться после «мяча» и нужных телок. Эта вот не нужная, чужая, глупая и наверняка либерастка. Значит, надо научить ее жизни. Втроем, девчонку, ногами. И не забыть поссать сверху. На потом и для закрепления урока.

А он, понимаешь, тут из-за них ночами убивает мертвое. Не жизнь, сказка.

Пересела, не споря. Вот и хорошо. Посмотрим, чего тут у нас за окном. Пока еще не надо бить-ломать-выбивать. Можно насладиться видами. Ну да, именно так.

Проплыл самолет. Самый настоящий штурмовик ИЛ-2 на постаменте. Шоссе огибало его, пересекающая ныряла под. Что тут еще? О, любимый культовый новодел. Купола с крестами на фоне громады семейного «Магнита». Чудный пейзаж, хоть сейчас пиши современное полотно для Третьяковки. Иногда искренне желалось поговорить с главным архитектором разных городов. Из-за неумемной страсти к прекрасному, само собой. Пospорить о примененных ходах и услышать всю правду о них. Гениально же вписан храм в гипермаркет. Или гипермаркет в храм. Хрен редьки не слаще.

Стоило удивляться тяжелой сети мрака, нависшей над городом? Он и не удивлялся. Хорошо, обычные люди не понимают. Не видят и ладно. Неужели не чувствуют?

– Странная осень.

Рыжая говорила, не обернувшись. Смотрела в окно, на нелепое строение какой-то «Империи». Если бы империи выглядели также, было бы грустно.

– Странная?

– Да. Тревожно. Вроде бы не с чего. Вот только все к празднику готовились летом. Футбол, чемпионат, все дела. Туристы... И все, кончилось... и тревожно.

Он не ответил. Вот и ответ, наверное. Кто-то все же чувствует, еле-еле хватает почти не звучащие и туго натянутые струны беспокойства. Если, конечно, так и есть.

– Почему тревожно?

Тревожно из-за Мрака. Его не рассмотришь до поры до времени. Мрак клубится в темноте старых переулков, прячется в тенях рабочих окраин, таится в муравейниках спальных районов. И только осторожные щупальца страха выбираются наружу вместе с ночью и детьми союза ее и Мрака.

Но Мрак давит человека. Тихо, без лишнего шума, подбирается все ближе. Оглянись, идя вечером от магазина с чуть не позабытым батонком. Посмотри в мглу тумана между тесно стоящими машинами. Иди к фонарю, где пьяно смеются ошалевшие без нарядов полиции малолетки. Лучше схлестнуться с ними, чем с прячущимися в темноте.

– Тревожно? – переспросила рыжая. – Не знаю. Просто...

Страх. Кошачьи рыжие глаза, наплевав на физиологию и анатомию, плескались страхом. Его в ней оказалось слишком много. Такое нельзя держать в себе. Совсем нельзя.

– Тебе надо отдохнуть... – не стоило говорить с ней, но душа у него еще осталась... наверное. – Уехать. Завтра. Или даже сегодня. К солнцу, к морю. Только не гулять по ночам.

– Почему?

Рыжая даже не думала хмыкнуть по поводу моря. Зато спросила про ночь. И смотрела-смотрела, прожигая насквозь. Иногда даже обычный человек может коснуться того, что недоступно. Недоступно, пока не коснется его холодными острыми пальцами. Она явно стояла где-то на границе и лишь чуть не перешагнула через нее. Интересно.

– Так надо.

Она хотела что-то сказать. Открыла рот, чуть двинулась вперед. И не стала. Настаивать не стоило. Но отпускать ее просто так не стоило еще больше. Что-то рыжая знала.

– Мне выходить на следующей.

Кивнул и встал, пропуская. Ребятишки сзади радостно ухмыльнулись и двинулись за ней. Он развернулся, закрывая проход. Улыбнулся. И посмотрел в глаза первого, светлого дерганного крепыша.

Силу взгляда нельзя недооценивать. Силой взгляда можно остановить злющего пса. Показать все, ожидающее того впереди. Вспоротое брюхо, разваленное в разные стороны горло, хлещущую кровь, переломанный хребет. Такое выйдет не сразу. Но времени научиться у него хватало. На свои места ребятишки сели хмуро и расстроившись. Но ни один не решил попросить его отойти. А требовать? Ну... им явно расхотелось.

На автовокзале, перейдя по переходу, осталось только найти нужную остановку. И сесть в «двести сорок седьмой». Придется чуть подняться, но так он точно успеет доехать к исходу времени. После сообщения о встрече времени было не больше часа.

Осень рыжела, краснела и золотилась вокруг. Деревьев хватало. Повсюду, волнуясь под ветерком, мелькало охряное, малиновое и оранжевое. Вырвавшись из высоких стен новостроек, погружаясь в гордо стоящие «сталинки» и аристократические выжившие особняки, город менялся. Превращался в самого себя, настоящего, лежащего вдоль черно-зеркальной Волги вольготно и по-купечески широко. В приоткрытое оконце врывался запах листьев, недалеко реки и остатков сухой пыли, носимой взад-вперед ветром-бродягой.

Здесь, под совсем очистившейся голубой далью, мрак отступил. Солнце, выкатившись из-под туч, разогнало наступающий холод и плетью лучей выгнало мрак. До ночи, но дышать стало легче.

Мелькнула шахматная доска набережной, чугунное плетение ограждений, яркие точки бегающих малышей. Дорога ощутимо пошла вверх, оставляя слева острые ассиметричные шпили-близнецы готического костела. Рвущие небо и прозрачный воздух, показывающие: он приехал. И напоминающий: здесь тебя ждут вечером. Ждут Другие.

Говорящее металлическое дерево. Бронзовый антропоморфный древомутант. Веселый смеющийся Буратино с ключом в поднятой руке. Нестареющая кукла-мальчик, стоящая у дома своего автора. А его ждал заросший бородой по самые глаза здоровяк, любящий ароматизированные сигариллы.

– Думаю, не стоит спрашивать про славянский шкаф?

Здоровяк довольно оскалился. Выглядело страшновато, напоминая неожиданно зевнувшего медведя.

– Я Семеныч.

Он кивнул. Назвал ничего не значащее имя.

– Все плохо?

Семеныч оскалился шире. Хотя, казалось, куда шире?

– Все еще хуже, братишка. Намного. Уж поверь.

Да верил он, верил. Тут даже собственными глазами не нужно пытаться рассмотреть прячущихся в темноте. Город наполнялся концентрированным злом, накачивался им, ровно как тугой гнойник липким содержимым. Чирьи не вылечишь мазями, прогреваниями или наговорами бабки-шептуньи, их только давить, больше никак. Вскрывать и давить, стискивая зубы, пока терпишь резко-рвущую боль, пульсирующую в ритм белесо-кровяной дряни, прущей наружу.

Города заполнялись Мраком также быстро, как села, деревни, станицы или аулы. Ему же все равно насчет того, что мягко тронули вроде бы незаметно-пушистые лапы, прячущие внутри ледяные острые когти. Десяток выживающих на берегу речки Сылва в крохотном поселке, шесть семей родственников деревушки под Белгородом, триста тысяч нефтяников с семьями городка а-ля Стрежевой или два с лишним миллиона вместо полутора, живущих здесь, у Волги. Мраку все равно, он как талая весенняя вода и худая кровля, поставленная

Фондом капитального ремонта, его черные вязкие щупальца найдут крохотную дырку и втянут внутрь все накопленное Зло, смешают с варящимся в людском котле и все, чертово рагу готово.

Сколько раз такое уже случилось? Он точно помнил два последних раза. Первый, почти тридцать лет назад и второй, когда, казалось, беды ничто не предвещало. Только, вот вопрос, почему ему все чаще приходится колесить по дорогам, так и не ставшим лучше, не высыпаться, проводя ночи напролет все в тех же переулках рабочих районов и развалинах бывших заводских корпусов, рыская между полустанками и сельскими останками, оказываясь в гаражных массивах и исследуя спальники городов-миллионников.

Почему? Он пока не понял и не разобрался. Но тогда, в девяностых, все было куда проще. И не могло сложиться иначе, начиная с чертовых августовских дней. Мрак тогда жрал всех, без разбора. Но, особенно, как и всегда в годы, пожирающие людей изнутри, Мрак быстро добирался до молодежи.

...Я крашу губы гуталином...

Сиси все приходил в себя, сиськи Джинны казались весьма ничего, а Мейсон сражал сарказмом и ухмылками. Шашлык жарился куда реже сегодняшнего, а дым потихоньку начинал пахнуть человеческим мясом. Не братков с их разборками. Мясорубка в городах сменилась промышленной в республике на Кавказе.

...Напудрив ноздри кокаином...

Понятно, утюги не поют. Основное назначение утюга, само собой, гладить платье. В смысле, одежду. Но "доносилась из каждого утюга" или, на крайняк, "из электрочайника", только-только становящихся популярными, как раз про этот самый случай.

...Давай вечером с тобой встретимся...

Самым страшным годом для стал, на самом деле, девяносто четвертый. Его жутко ждалось, хотелось и вообще футбольным фанатам, желающим большого футбола. Взамен страна получила другое, захлебнувшись в кровавой рвоте войны, рвущихся с цепей зверей разборок, разваливающихся больниц и горящих изнутри подростками школ. Когда тебе четырнадцать-шестнадцать-семнадцать, то многое кажется совершенно другим. Опасно это, конечно, надеяться на чудо и наткаться на декорации дешевых фокусов, но куда ж без такого? Тем более, куда интереснее именно так:

Желать принцессу, наткнуться на притворяющуюся пэтэушницу.

Полагаться на почти брата и вдруг увидеть вместо него не своего любимого человека, а непонятное говно, смахивающее на стандартного утырка, по вечерам отжимавшего у мелкоты родительские рубли, рассеивающиеся быстрее дыма демократических танковых залпов или аромата Марии, дочери Хуана.

Видеть, как видели через одного, свою семью, теплую и родную, единственную и нужную... когда новое полноцветное фото вдруг становится черно-белой любительской съемкой, мутнеющей на желтеющей фотобумаге.

Вместо близких лиц, глаза закрой и вылепи по памяти, размытые пятна непроявленного негатива.

...Давай вечером умрем весело...

Страна на глазах еще больше засвечивалась, подменяясь на цветную бездушную пленку и фотографии "Кодак-экспресса". Отсюда, пытаясь разглядеть девяностые, виделось странное. Марево, с редкими четкими кусками. Незначительными, типа пачки мятного "Кента" в ларьке, спокойно проданные почти мальчишке. Общаги и их старшаков, с выбитыми с ноги дверей. Девчонок, сгорающих от страсти под поддельное французское шампанское, трахаемых в сортирах дискотек и потом делающих аборты в девятых классах. Мальчишек, не проходивших НВП и попавших на Кавказ. Ветеранов, не понимающих главное: за что же они воевали, тратя себя и молодость?

...Я на тебе как на войне...

Водка в любом ларьке. Первые лысые "под расческу" головы и пакеты с тетрадками и учебниками взамен ранцев и дипломатов. Зубы и кровь в туалетах на переменах. Взрослые, шалеющие от дичи, творящейся в округ и дети, считавшие обоссанных бомжей нормой. И над всем этим, в девяносто пятом, бывшем ужасным и прекрасным, ужасно-прекрасным, стеклянноглазые Самойловы и...

...нам с тобою повезло на-а-аз-л-о-о-о-о... из каждого утюга.

Мрак расплзался тогда легче легкого... Не остановить. У него и не вышло, лишь временами перекрывал самые дикие прорывы и затыкал совершенно обнаглевших Проводников. Мрак жил в стране как у себя дома. И считал себя хозяином.

– Задумался?

Он тряхнул головой, глядя на такую знакомую улицу с каменными ребрами костела, смотревшими в туман, закрывавший их почти наполовину. На желтые мокрые листья, на катящуюся гусеницу нового, наверное что с вай-фаем, трамвая, на спешивших куда-то, как всегда и везде, студентов, на курящих за остановкой и плевать хотевших на закон о курении полицейских, на афиши, наклеенные одна поверх другой и болтающиеся измочаленной и снятой ремнями кожей, на трещины асфальта и потоки грязной воды, катящейся из неработающего колодца, несущие в себе листья, пустые пачки и окурки, презервативы, два использованных инсулиновых шприца, мертвого слепого котенка и голубиное крыло, оторванное с мясом и недавно, на листовки кандидата каких-то местных выборов, на...

– Устал.

– Выспаться тебе нужно. А то работать не сможешь.

– Я? Я смогу. Нам далеко?

– Не особо. Хочешь прогуляться?

Хотелось ли ему пройтись по городу, иногда становящийся родным? Наверное. Даже если недалеко. В этой части города ему всегда становилось тревожно, всегда вставали, невидимые обычным людям, простые видимые призраки. Их тут хватало, земля в городе у Волги, в старом центре, называемом просто центром, кое-где была пропитана кровью на метр, не меньше. Плохо, когда о таком не помнили. О чехах, резавших матросов-балтийцев, присланных организовывать флотилию. О матросах-балтийцах, вернувшихся и взявших Комуч. О большевиках, изрубленных дутовскими казаками и дутовских казаках, стреляемых у стенки вот тут, там и даже здесь.

Мирный город без какой-то войны? Крови тут хватало и без нее. А где кровь – там призраки, Мрак и... И Другие.

Глава пятая: маски и настоящие лица

Хочешь спрятаться? Стать незаметным? Будь на виду. Будь проще. Никаких шпионских глупых игр из кино. Заурядно, неинтересно и скучно. Чтоб смотрели и думали: все просрали в стране, продают да продают, ни черта не производят. Залог успеха, чего уж, слиться с основной массой любого поселения. И не отсвечивать. Хотя здесь-то такого не скажешь.

Он смотрел на табличку-вывеску и пытался понять: наглость или глупость?

«Рога и ...». Семеныч, перехватив взгляд, хохотнул.

– Всем нравится. Оптовая и розничная торговля натуральными продуктами, качественным алкоголем и товарами для взрослых, мм-м... хенд-мейд. Как пирожки разлетаются.

– Продукты или хенд-мейд?

– И то и другое.

Офис, склад, машины. Торговые представители и экспедиторы. Перемещайся по всему городу, особенно если торговля с ночными заведениям. Прикрытие великолепное, комар носу не подточит.

Дверь внутрь оказалась натурально сейфовой. Понятно, случись что серьезное, вроде штурма СОБРа, надолго не задержит. Но кое-какое время подарит. Первый этаж, значит, есть выход в коммуникации. Зря такие места никогда не выбирали. А уж здесь, в городе с бункерами, выкопанными для Сталина и Берии... Коммуникации серьезные. В старой части-то уж точно.

Должность у Семеныча была так себя, серединка на половинку. Замгендира по чему-то там. То ли по общим вопросам, то ли по личным. Не суть, так-то. Важнее кабинет в самом конце коридора и большой диван. Кожаный, пухлый, с отстегивающимися подушками. На него-то он и лег, только зайдя. Скинул ботинки и задрал ноги на спинку.

– У меня душ еще есть, – намекнул Семеныч, – ты так-то не стесняйся. И пошлю кого надо.

– Куда?

Семеныч прикурил, разом наполнив кабинет сладкой ароматной смертью от как-бы вишни и чего-то еще, похожего на табак.

– Не куда, а зачем. За носками.

– А... ну, извини. Ноги устали. Потерпишь?

– Мне чего-то еще остается?

Это точно. Но свинячить в гостях не стоило, все же приличия на то и существуют. Пришлось согласиться на душ и отправиться в смежную комнатушку. Носки выбросил, сушить все равно негде, да и некрасиво будет, если развесить те на итальянских радиаторах в кабинете самого зам ГД по чему-то там.

Вещи туго скрутить и в рюкзак. Куртку закрепить к нему же шнурами. Брюки, чистую футболку и ботинки поставить рядом. Один клинок, на заранее готовом шнурке, повесить на шею. Ну... как-то так.

Он вздрогнул от резких ударов жестких и горячих струек из лейки. Встал, опершись на руки. И закрыл глаза, ловя мало с чем сравнимое удовольствие. От обычной горячей воды.

Стоило мыться быстро, не ломая привычки. Но здесь, где вокруг есть те, кому можно доверять... Хотелось получить больше самой, мать ее, обычной человеческой радости. От прозрачной и живой тоненькой пленки, стекающей и стекающей вниз. От острых уколов по коже, от обычно-дешевого, но настоящего мыла. От запаха, утекающего с пеной, заметными серыми следами и даже песчинками.

Люди давно разучились радоваться простому. Горячая вода из-под крана? Ой, тоже мне, роскошь. Джакузи с массажем всего тела и пузырьками пахнущими шампанским «Кристалл».

Хозяйственное мыло? Фи, оно дурно пахнет. Только хэнд-мейд из жира карликовых розовых единорогов, благоухающее натуральными пачули и лепестками горных пурпурных тибетских ирисов.

А запах пота? Фу-у-у, это так отвратительно. Вспотел – в душ. Вспотел через час еще раз – в душ. До бесконечности. При желании он мог бы читать лекции о вреде того-этого, включая мылящие средства популярных марок. Но смысл?

Он успел упереться ладонями в скользкий пластик кабинки. Расслабились нервы, устал, горячая вода. Как тут не заснуть? Как-как... включить холодную.

Его ждали. Кроме Семеныча присутствовали трое. Крепкая низенькая тетка с грудью какого-то невероятного размера и прочим добротным хозяйством. Седой и одновременно молодой тошага в золотистых очечках. И просто интересная блондинка с чересчур зелеными глазами и почему-то россыпью веснушек вокруг вздернуто-тонкого носа. Прямо встреча старых добрых друзей, желающих попить чаю и обсудить детей, работу, хобби. Чашки, сушки и сахар прилагались и только способствовали впечатлению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.